

Князь тьмы и я
Книга вторая

ЕЛЕНА
ЗВЕЗДНАЯ

Елена Звездная
Князь Тьмы и я. Книга вторая
Серия «Князь Тьмы и я», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69161935

SelfPub; 2023

Аннотация

В тексте присутствуют: насилие над логикой, принесение логики в жертву, жесткий интим с логикой, насилие над стереотипами, мат и шах, Интимный интим, Стокгольмский синдром, Алкогольский синдром, Синдром дефицита железа, Синдром Повышенной Вредности, кровь, стрельба, гонки со стрельбой, гонки без стрельбы... Короче не читайте это. Вниманию!!! Помните, автор – нежная, ранимая и трепетная личность, обижать автора не рекомендуется, а то автор уйдет в неосознанку и добьет логику. А ей, логике, между прочим, и так уже не весело.

Елена Звездная Князь Тьмы и я. Книга вторая

Елена Звездная

Князь Тьмы и я. Книга вторая

Предисловие

ЕЛЕНА ЗВЕЗДНАЯ

В тексте присутствуют: Насилие над логикой, принесение логики в жертву, жесткий интим с логикой, насилие над стереотипами, мат и шах, Интимный интим, Стокгольмский синдром, Алкогольский синдром, Синдром дефицита железа, Синдром Повышенной Вредности, кровь, стрельба, гонки со стрельбой, гонки без стрельбы... Короче не читайте это.

Внимание!!! Помните, автор – нежная, ранимая и трепетная личность, обижать автора не рекомендуется, а то автор уйдет в несознанку и добьет логику. А ей, логике, между прочим, и так уже не весело.

У меня появилась новая горничная. Ее звали Грэя. Она смотрела на меня с немым обожанием во взгляде, была быстра, предугадывала любые просьбы прежде, чем я успевала их даже озвучить, и первая входила в мою комнату, чтобы обследовать ее на предмет змей, тараканов и мало ли кого еще. Казалось — она знает обо мне все. О моих страхах, моих мыслях, моих чувствах и моих желаниях. Это было... жутко. И стало лишь еще более жутко, когда Грэя налила мне минеральной воды ровно столько в высокий стакан, сколько наливала себе всегда я. Даже пить расхотелось.

Я еще от странности в поведении Навьена не отошла, а тут эта... Грэя.

Но одна мысль не давала мне покоя — кто копает под дом Даркан? Кто-то ведь копал — долго, расчетливо, основательно и при этом профессионально замечая следы. Они весьма изобретательно убрали Малисент с пути, в нужный момент предоставили Ивгену Женьер, а когда дело не выгорело — попытались свалить все на сопротивление. Причем свалили вину качественно, если бы не дело с Майком у них бы

все получилось идеально. Но Майк, видео в сети, Малисент у которой оказалось мозгов и благородства куда больше, чем они ожидали и я – так некстати подвернувшаяся князю. И вот эту вот меня раздирали два совершенно противоположных желания. С одной стороны, я бы очень хотела, чтобы под дом Даркан не только копали, но и чтобы его закопали, прикопали, и могильной плитой сверху прикрыли. Я бы порадовалась, причем совершенно искренне. Но с другой стороны в этом доме были Навьен, и теперь Грэй. Желала ли я смерти им? Ответ был мне известен. Может быть и желала бы, но после того как тысячник очень аккуратно водил автомобиль по городу, чтобы никого из людей не покалечить и не испугать... во мне что-то изменилось. Изменилось настолько, что, боюсь, если он попросит, я встану за ним и буду подавать ему патроны, даже если против него будут все вампиры мира.

Вампиры, а не люди.

Потому что если против нас будут люди, боюсь я встану между ними и Навьеном – одному не дам стрелять, другим не дам попасть в тысячника...

Грэй принесла еще какое-то масло, подлила мне в ванну, запахло чем-то умиротворяющим... как на кладбище.

«Я люблю тебя»... эти три слова жгли до сих пор. И не каленым железом там, а слезами невыплаканными.

Потому что... я могла сказать ему тоже самое.

«Я люблю тебя, Навьен»...

Хрен его ведает почему и как так вышло, ты же кровосос тысячелетний, кэпа Маера вообще ни за что убил... И тут вот моя любовь стала как-то чуточку меньше. Она все равно осталась, но... съежилась что ли. Словно ей самой было не по себе и в целом стыдно от того, что она появилась на этом свете. Наша с Навьеном любовь хорошо бы смотрелась где-нибудь на кладбище. Типа его могила со словами «Я люблю тебя» и моя с теми же самыми. И от одного памятника к другому рука тянется. Его такая мускулистая, и моя такая тощая, жалкая, слабая... в общем такая, какая есть. Ну и любовь если между нами и могла быть, то тоже только вот такая вот... посмертная.

– Княгиня, вы печальны? – вежливо, участливо и лишь самую малость вкрадчиво спросила Грэй.

Посмотрела на нее с нескрываемым подозрением. Просто... ну слишком уж профессионально прозвучало.

– Ты психотерапевт? – враждебно поинтересовалась я.

– Психиатр, – мягко поправила Грэй. – Несомненно, человеческая психология несколько отличается от нашей, но я учусь.

Зашибись!

Мыслечитателей мне тут было мало, теперь у меня еще и персональный обучающийся мозгправ имеется. Здорово, что сказать! Чем дальше, тем больше я хочу в психушку, причем нормальную, а не вот это вот все.

– Вы не замерзли? – последовал новый вопрос.

Предпочла бы замерзнуть, и желательно насмерть.

– Суицидальные мысли – не выход, – проявила свои профессиональные качества Грэя.

Интересно, если я в нее мочалкой запущу, это будет выход?

– Нам пора заняться прической, – не успокаивалась вампирша.

Мне не хотелось заниматься прической, мне хотелось плакать. И мне бы даже не было за себя стыдно, устрой я банальную истерику. Потому что у меня, к моему огромному сожалению, было будущее. В чем-то даже радужное, в смысле когда на бриллианты падает солнечный свет, от них радужное такое сияние идет, а бриллиантов у меня будет завались, да хоть закопайся. Еще у меня будет много боли, много отчаяния, много унижения, много кошмаров... и вообще ничего хорошего.

А теперь мне даже самоубийством заняться страшно, потому что я знаю, кто пострадает в то самое мгновение, когда вскрыется, что я не вампир – Навьен. Навьен, не выполнивший приказ.

И тут такой поганый выбор – я могла бы позвать Навьена и попросить его завершить обращение, искушать там меня, и все прочее... Но я предпочитала смерть.

В общем, мы с Навьеном оказались в одинаковом положении – мы оба не могли спасти друг друга. Все что мог подарить мне он – лишь отсрочку неминуемого обнаружения

правды. Все, что я могла подарить ему – лишь отсрочку его казни.

Придется налаживать контакт с князем.

Не особо хочется, но выбора нет.

– Грэя, что вам известно о молодом князе Даркан? – заставив вампиршу отвернуться и закутываясь в полотенце, спросила я.

Мгновенно развернувшись ко мне, вампирша просияла настолько счастливой улыбкой, что мне стало даже как-то не по себе.

После, все так же радостно, мне отвесили поясной поклон, и только затем реверанс. И Грэя радостно куда-то умчалась.

К тому моменту как я переоделась в халат, Грэя уже примчалась обратно и принесла мне две книги. Я бы даже сказала – книженции. Книги были огромными и тяжеленными – по-моему, у Дарканов есть тяга ко всему большому и тяжелому, одна семейная диадема чего стоит.

Пока Грэя колдовала над моей прической (я решила счесть ее бормотание чем-нибудь кроме ругательств, хотя вампирша явно ругалась, пусть и шепотом), я изучала «высокое чтиво». В одной книге оказались собраны названия всех книг и фильмов, которые высоко оценил князь, и страниц она была тысячи на две. В другой страниц было поменьше, ну в целом, как оказалось, в еде князь был неприхотлив. Честно говоря, когда я все это просматривала, в голову закралась одна нехорошая мысль, и я была бы не я, если бы

после всего этого не спросила:

– А где книга про предпочтения князя Даркана в сексе?

Я полагала мне не ответят, или еще одну книженицию принесут, но горничная быстро нагнулась, перелистнула страницы с рецептами до самого конца, и вот там как оказалось таки да – имелись предпочтения князя в отношении секса. И значилось в этих предпочтениях всего одно слово: «Искренность».

Искренность!

Обалдеть не встать, держите меня семеро! То есть для того, чтобы стать идеальной княгиней надо было десять лет учить всю эту тонну предпочтений князя в области литературы, искусства, киноискусства и театра, чтобы в итоге получить в качестве основного параметра «Искренность»!

Твою мать!

К слову моя мать на телефонные звонки не отвечала. И не то, чтобы у меня оставались глубокие родственные чувства, после всего, что было, и где-то в глубине души, там, где должны были существовать любовь и привязанность уже давно зияла черная дыра, но все же. Обычно она отвечала хотя бы через несколько часов, а сейчас – тишина. Гнетущая, пугающая тишина. Я даже взяла телефон и перезвонила еще раз – ответом были лишь гудки.

– Ваша матушка в полном порядке, – проворковала Грэй.

– Серьезно? – скептически поинтересовалась я. – Говорите вы с такой уверенностью, словно знакомы лично.

И вот я ожидала, что Грэй смутится хотя бы, но смущаться пришлось мне, едва она ответила:

– Несомненно, знакомы. Князь поручил мне оказать помощь госпоже Меттланд в организации похорон вашего отца.

«Отчима», – мгновенно поправила про себя.

И не смогла удержаться от вопроса:

– Как она?

Грэй на миг замерла, вытягивая феном очередную прядь моих никакущих вообще волос, на миг перестала отражаться в зеркале, что выдавало в вампирах определенное эмоциональное смятение, и все же ответила:

– Намного лучше после назначенных ей препаратов. Я была рядом с ней все эти дни. Если вам интересно – похороны прошли достойно.

Мне вот про похороны вообще было не интересно. А за маму... хотелось сказать спасибо.

– Князь Даркан согласился с моим выбором нужного лечебного заведения, – добавила Грэй.

И про «спасибо» я передумала.

– Вы поместили мою мать в психушку? – потрясенно переспросила я.

Вампирша снова на миг растворилась в отражении, так что мне представилась сомнительная возможность посмотреть на висящие в воздухе фен, прядь волос и расческу, но затем, вновь взяв себя в руки, Грэй вернулась в полной мере,

и высказала:

– Княгиня, ваша мать много лет подвергалась разрушительному влиянию энергика. Даже вампирам в подобной ситуации требуется лечение. И нет, это не психиатрическая лечебница, это курортный санаторий с услужливым и профессионально обученным персоналом. За вашей матерью так же буду присматривать я, лично. Если вы хотите ей что-то передать, я...

– Прости, – едва слышно прошептала я.

Грэя подняла взгляд на меня, помолчала и вежливо произнесла:

– Это вы простите меня. Мне следовало сообщить вам сразу. И так же я прошу прощения, за предложение передать что-либо вашей матери... Она не желает общаться с вами, и, боюсь, вам это известно лучше, чем мне.

Мне хотелось разреветься прямо тут. Сейчас. Только боюсь, глава о предпочтениях князя в сексе пострадает. Пусть там и всего одно слово только...

– Князь рано потерял мать, – вдруг сказала Грэя.

Серьезно? А та клыкастая в черном это кто была?

– Ему сложно понять ваши чувства, – продолжила горничная, – но он старается не допускать фатальных ошибок в ваших отношениях.

А жениться на мне без моего согласия типа не фатальная ошибка, да?

– Поэтому, он уделил пристальное внимание вашим близ-

кородственным связям. У вас чудесные волосы.

И тут я поняла, что врать Грэя не умеет. В смысле всё до фразы про волосы звучало убедительно, а вот с комплиментом не вышло.

– Подчеркнем ваши глаза, – вдохновенно продолжила горничная, теперь уже искренне и полностью уйдя в работу, – и скулы.

То есть волосы соберем. Ну я бы их на ее месте тоже бы собрала, впрочем и вариант постричься налысо тоже был неплох. Все было неплохо, но... за маму я была благодарна Даркану.

Мы ужинали.

Такой милый семейный ужин – я, стол, и князь.

На мне было шелковое темно-синее платье, в тон к нему сапфировое ожерелье, в ушах дрожащими капельками мерцали сапфировые серьги, волосы мне перекрасили, в смысле

взяли и вернули им прежний цвет. И все это Грэя проделала с фантастической аккуратностью, старательностью и заботой, она меня даже подкрасила, причем помада, как оказалось, была несмываемая, и обалденно так контрастировала с моей бледной от недосыпа, обстановки и тревоги мордой лица. Короче, я была как упырь женского рода – идеально вписывалась в обстановку.

– Ты довольна новой горничной, любимая? – небрежно-галантно поинтересовался князь, когда нам налили вино, ему нормальное, мне безалкогольное.

– Ну, типа да, – вдруг поняла, что нервничаю.

Не то, чтобы у меня не было причин для этого, но все же. Даркан пристально посмотрел на меня через весь стол. Поднял свой бокал, вдохнул аромат напитка, и сообщил:

– Грэя прежде была личной горничной Малисент. Леди умоляла меня позволить ее лучшей из слуг служить княгине Даркан. Я счел, что тебя порадует мое согласие.

И ошибся!

В смысле не в том, что взял Грэю – она была потрясающая, только вот она дохрена лет прожила в долбанутой на всю голову вампирской семейке Малисент, и что-то мне подсказывало, что раз Грэя у этих чокнутых на доброте вампиров прижилась, значит и она сама тоже чокнутая, в смысле добрая, в смысле – нехрен ей в этом гадюшнике делать!

– Я против! – уверенно сообщила князю.

Я была в целом абсолютно против, чтобы мне преданно

служили, да еще и по той причине, что Малисент чувствовала себя виновной во всем этом кошмаре, который превратился в мою жизнь. Обидно. За мою жизнь обидно. Она и так никогда не была сахаром, а теперь вовсе стала кошмаром – жутким, непредсказуемым, кровавым кошмаром. И в общем мне в этом кошмаре еще преданной Грэй не хватало. Пусть лучше к Малисент возвращается, а то этот ребенок без горничной вообще ничего не умеет, даже чай заваривать.

– Ммм? – Даркан сделал маленький глоток вина, оценивая его вкус. – Она тебе не понравилась? Что ж, прикажу оторвать ей голову.

– Да твою нахрен мать! – я подскочила.

Стул с грохотом свалился за моей спиной, а князь странно улыбнулся, не особо скрывая эту проницательно-понимающую ухмылку.

– Полагаю, горничную мы оставляем, – с насмешкой произнес он.

Лакеи подошли, подняли мой стул, помогли мне присесть, пододвинули стул к столу.

Типа короче ужин продолжается, все зашибись как круто, и можно продолжать эту милую бесячую до зубного скрежета беседу!

Я откинулась на спинку стула, в бессильной ярости глядя на князя.

И не глядя в окно.

Потому что там, во дворе, стоял старший сын и наследник

лорда Сторса. У него отобрали телефон и надежду на светлое будущее. Навьен очень серьезно отнесся к моим словам: «Хочу, чтобы он понял, каково это – не знать, жив ли твой ребенок», и потому лорд Сторс не знал. Он привез сына на закате, и теперь заехав в лес, чтобы не загроживать подъездную дорогу, ждал. Ждал, не ведая, чего вообще можно ждать. И мне бы торжествовать – я проучила самого лорда Сторса главу ВСБ, вот только... не было ни радости, ни торжества справедливости, ни чего-либо вообще.

Был молодой вампиреныш лет двадцати, который стоял посреди двора, бледный как привидение, то есть даже по вампирским меркам бледный, и где-то в лесу стоял его отец, сходя с ума от тревоги и неизвестности. И мне было мерзко от этого. Гораздо проще относиться к упырям с ненавистью, когда не знаешь таких, как Малисент, к примеру.

– У меня просьба, – невольно обняла себя за плечи, чувствуя могильный холод своей собственной души, которой и в могиле было бы явно комфортнее, чем в этом дворце, – пусть младшего лорда Сторса отведут к его отцу, я...

– Удовлетворилась мстью? – язвительно поинтересовался князь.

Не глядя на него, раздраженно ответила:

– Я хотела не мести, я хотела, чтобы он понял, что... Не важно. Пусть мальчика отпустят.

– Каиль, ты не последовательна, – укорил князь.

И шевельнул пальцем, отдавая приказ.

Я проследила за тем, как мальчику возвращают телефон, затем как открываются замковые ворота, и... лорд Сторс стоял там. Не в лесу, куда отогнал свою машину, а прямо за воротами. Один, бледный, неестественно прямой, убитый горем. И когда он сжал в крепких объятиях подбежавшего к нему сына, я поняла, что картинка расплывается, и смахнула набежавшие слезы.

Отвернулась.

Посидела, успокаиваясь. Постаралась отвлечься и уныло посмотрела на свой «ужин». Все та же сырая рыба, соус, зелень, яблоки. Ненавижу упырей. Ненавижу всем сердцем, но... наверное, чтобы их убивать, нужно стать такой же как они. Я такой не была. Мне было тяжело... мне было тяжело, даже от осознания, что княжну Мортем вчера убили, потому что я ее подставила и спровоцировала на нападение. Я...

Я ведь полицейский, моя работа находить преступников, а не карать их, я...

Я посмотрела, как Сторс уводит сына, обнимая за плечи, не отпуская ни на миг, кажется, не веря в то, что вообще получил сына обратно живым.

Стук в двери, и вошел второй тысячник князя. Тэранс был массивен, массивнее Навьена, так что кто есть, кто становилось ясно сразу и даже издали.

Он бесшумно подошел к хозяину, склоненная голова, почтительный поклон, и тихое:

– Исполнители найдены.

– Обращенные? – спросил князь, задумчиво глядя на меня поверх бокала с вином, который безучастно рассматривал уже некоторое время.

– Частично, – ответил Тэранс. – В основном люди из движения сопротивления.

Я замерла.

Князь пугающе прищурил глаза, заставив похолодеть от этого взгляда.

– Что-то не так, милая? – спросил он.

И это было не просто вопросом. Это было скорее допросом, иначе не назовешь. Одно только радовало – князь был в очках, И мне нужно было что-то делать. Что-то очень-очень быстро делать. Потому что если Даркан вцепится в сопротивление... хана придет сопротивлению. Быстрая и беспощадная. И обиднее всего то, что сопротивление вообще не причем, их тупо подставили. Но если я прямо об этом скажу, я подставляю Навьена. Ведь князь определенно захочет узнать, откуда это знаю я, а там повсюду Навьен!

Черт!

Что делать?

– Странное дело, мне вдруг безумно захотелось снять очки, – с намеком протянул князь.

– Не надо!!! – чуть ли не заорала я. Мгновенно осознала, что произошел явный перебор с эмоциями, и нервно-кокетливо добавила: – Они вам очень идут, князь.

Князь медленно сузил глаза.

Так, кажется, есть шанс, что теперь меня тоже отправят в психушку. Кстати, а неплохой вариант, может продолжить в том же темпе? И главное, Навьен тогда не пострадает.

– Сомнительная перспектива, – медленно сняв очки и небрежно бросив их на стол, произнес князь.

Я судорожно сглотнула, понимая, что все... мне хана.

– Это вряд ли, – улыбнулся Даркан. – Но меня очень заинтересовал один момент.

И не давая мне передохнуть, он этот самый момент обозначил одним коротким словом:

– Навьен.

Мама...

Даркан усмехнулся, намекая что откосить не выйдет, и уточнил:

– Так что у тебя с Навьеном?

Млять...

Мне очень хотелось бы заткнуться. Вот просто взять и заткнуться. Но молчание не всегда золото, и я сказала как есть:

– Он сожрал мой пончик.

В следующий миг у Тэранса вытянулась морда. Выражение лица князя тоже стало поистине непередаваемым, но спросил почему-то именно Тэранс:

– Пппончик?

Я вдруг поняла, что они явно что-то не то поняли. Или даже не знаю, может у них тут какие-то свои заморочки по поводу пончиков?

– Какой пппончик? – все так же Тэранс.

Даркан сидел молча, но уже нахмурился, явно что-то соображая... Он сообразительный, к сожалению.

– Сочту за комплимент, – холодно произнес князь. – Ответь на вопрос моего тысячника. А после лично мне, наедине, объяснишь, как, когда, и при каких условиях Навьен посмел даже думать о подобном.

И от слов Даркана повеяло холодом... ну или огнем, учитывая, что осужденных по приказу князей тупо сжигают, даже без морга.

– Каиль! – тихо, но так что я вздрогнула, окликнул князь.

– Мой пончик с глазурью, – с перепугу мигом ответила я.

В столовой воцарилось напряженное молчание.

И тут вдруг подала голос Грэя:

– Это кулинарное изделие из дрожжевого теста. Углеводы, дрожжи, сахар. Глазурь – дополнительный сахар. Княгиня, мне очень жаль, но подобная пища для вас недопустима. Тысячник Навьен, вероятно сообщил вам об этом, не так ли? А после, дабы гарантированно уберечь вас от вредной пищи, съел пончик сам. Так?

Так. Я даже кивнула, подтверждая.

Только вот я сейчас одного не поняла – а о чем князь с Тэрансом подумали? Посмотрела на Даркана, тот неожиданно отвел взгляд. А я взяла и отвела душу:

– Еще Навьен сожрал мои мюсли!

Князь и Тэранс разом посмотрели на Грэю.

– Мюсли – сухая смесь из овсяной каши и сухофруктов и сушеных ягод. – Тут же отчиталась она. – Продукт быстро приготовления. Среди людей считается крайне полезным компонентом здорового питания.

И уже мне:

– Княгиня, овсяная каша – это углеводы. Углеводы на данном этапе вашей трансформации запрещены. Тысячник Навьен обязан был устранить данный продукт из вашего рациона. Но я удивлена, что столь интересным... методом. И как ему на вкус?

– С последним куском моего масла умял за милую душу, – пробурчала я, все еще размышляя над моментом с пончиком. – Теперь холодильник совсем пустой стоит. Надо было выключить. А то счетчик намотает, за электричество потом плати...

И тут я подумала, что отпуск взяла за свой счет, значит, зарплаты в этом месяце будет кот наплакал, а мне еще и кредит за этот самый холодильник плати. Хорошо хоть телевизор новый не купила, пусть он был на скидках и консультант очень уговаривал. А потом я подумала – о чем я вообще думаю? Я теперь даже домой не вернусь... Но кредит надо бы выплатить, мало ли. Вдруг выживу, а тут кредит с процентами конскими. Опять же на маму могут повесить, и я...

– Разберусь с твоим кредитом, уговорила, – язвительно произнес князь, и взявшись за бокал, несколько нервно отпил глоток вина, Чтобы в итоге произнести: – Благодарю за

информацию, Грэй.

– Всегда рада услужить, – поклонилась вампирша.

– Сама заплачу, – проявила неуступчивость я.

И после повернувшись к Грэй, не удержалась от вопроса:

– А почему присутствующим потребовались объяснения по поводу пончика?

Не знаю, показалось мне или нет, но Даркан вроде как попытался остановить горничную, однако та, приблизившись, почти на ухо мне прошептала:

– Вампиры плохо разбираются в выпечке. В данном случае уважаемый князь и его тысячник вероятно перепутали слова «пончик» и «пирожок», восприняв последнее слово с точки зрения распространенного у человеческого общества сленгового значения.

– Это какого? – не поняла я.

Грэй очень выразительно на меня посмотрела, и с выражением повторила слово:

– Пирожок.

После чего еще более выразительно опустила взгляд.

И до меня дошло, о чем подумали князь и Тэранс. Потом я поняла, что невольно краснею. Потом, что краснею еще сильнее. Потом...

– Я сама заплачу свой кредит, – понятия не имею, зачем я это повторила.

Даркан насмешливо посмотрел на меня, я окончательно решила выплатить самостоятельно, во что бы то не стало и...

– Извращенцы!

На это что князь, что Тэранс вообще не обиделись, более того – они переглянулись и обменялись такими ухмылками, что сходу стало ясно – они извращенцы на сто процентов, но я пока не в курсе даже про один процент их извращенности... Короче пора валить. Хотя валить пора было еще вчера, и позавчера, и...

– Ужин, Каиль, – изящным движением берясь за вилку и нож, напомнил князь.

Да чтоб ты подавился!

– Едва ли я смогу удовлетворить это твое желание, но все что касается извращений... ммм... ты оценишь.

Я посмотрела на князя – он ел, делая вид что сосредоточен на ужине. Я посмотрела на Тэранса – он стоял, делая вид, что изображает мебель. Я посмотрела на Грэю – вампирша вновь приблизилась, наклонилась ко мне и прошептала:

– Князь шутит. Это юмор. И вам совершенно не о чем беспокоиться.

Да ладно!

Мне хватило взгляда на князя, чтобы понять – он вообще ни хрена не шутил. И на Тэранса, чтобы понять абсолютно точно – тысячник в курсе, что князь ни хрена не шутит. По-моему, в то, что Даркан хороший наивно верила тут только одна Грэй. И то явно потому, что только приехала. Ничего, проживет пару дней в этом аду – быстро изменит мнение.

И тут Даркан посмотрел на меня.

Пристально. Внимательно. Разъяренно.

– Позволь спросить, – разрезая сырое мясо на своей тарелке, произнес он, – и в чем же выражается...

Пауза, и ледяное:

– Оставьте нас.

И не раздалось даже шороха.

Вот кто-то тут был, просто я лично разглядела не всех, пара вампиров скрывалась в тени, а вот уже никого нет, и только Грэй осторожно закрывает дверь за собой, послав растерянной мне напоследок ободряющую улыбку. Толку мне с той улыбки! Лучше вернись! Там в гостиной делать вообще нечего, тут самое интересное же... Да блин! Не уходите хоть кто-нибудь...

– Прекрасный внутренний монолог. Я оценил. Овации требуются?

– Я не в цирке, обойдусь, – ответила раздраженно.

И поняла, что с трудом сдерживаю слезы.

– Я рад, что ты понимаешь разницу между цирком и моим домом, – своеобразно даже похвалил Даркан.

Но от этой похвалы страх начал подниматься в душе, и уже не мутный и пугающий – а леденящий и замораживающий. Мне казалось в груди все покрывается изморозью, и вот еще пару секунд и ледяные иглы проткнут сердце.

– Поэтично, – счел необходимым отметить князь.

Сволочь, а помолчать нельзя? Обязательно комментировать, да?

– Да, – холодно ответили мне.

И мыслей вдруг не стало. Никаких. Вот только что было страшно, и обидно и в целом да сколько можно уже, и вдруг – пустота. Как на северном полюсе – только белая покрытая вечными снегами пустыня и свист ледяного ветра... и все. Вообще все. Лишь удары сердца отдаются в висках.

И это было жутко!

– Впечатлилась? – поинтересовался Даркан, возвращаясь к еде.

И ледяной пустоши не стало...

Моргнув, я посмотрела на князя, который элегантно ел, огляделась по сторонам, взглянула на свою тарелку...

Черт, что все это было?

– Демонстрация, – галантно уведомили меня.

Кажется, я перестала дышать, да и сердце замерло тоже, оставив артерии в полном недоумении, а вены в тихом охнении.

– Мужик, – у меня голос дрогнул, – я всего лишь по глуposti села в твою машину и все! На этом моя вина заканчивается, не успев начаться.

Даркан молча поднял на меня взгляд своих пугающих серо-асфальтовых глаз. И я увидела, как в его глазах медленно загорается бешенство. А я... я была слишком напугана только что случившейся «демонстрацией», чтобы на чем-то там настаивать и что-либо доказывать. Поэтому, все, на что хватило меня, это лишь на тихое и практически жалобное:

– Отпусти меня... пожалуйста.

Я знала, каким будет ответ. Я знала это, еще до того, как эту просьбу произнесла. Я все знала, и все равно вздрогнула, услышав спокойное:

– Ни-ког-да.

Вообще – это жутко, оказаться вот в такой ситуации. В полиции говорят, что даже самые отбитые на всю голову садюги и маньяки собственной смерти боятся до одури, и готовы на все, только бы выжить. И не важно, в каких условиях жить, главное это оставаться живым. Я не могла их понять, особенно сейчас.

– Каиль, – Даркан сделал глоток вина, – давай смотреть на ситуацию объективно – если бы ты не села в мою машину, тебя бы уже не было в живых. Навьен, тот самый, с которым у вас внезапно образовались вполне мирные рабочие отношения, убил бы тебя в тот же вечер, под хруст твоего догрызаемого Малисент кактуса.

Судорожно сглотнула, вспомнив взгляд Навьена в тот вечер... да, убил бы. Это точно. Он в бешенстве был.

– Зато убил бы быстро, – почему-то решила вступить за тысячника я.

– С этим спорить не буду, – согласился со мной князь. – Тебе повезло, что Навьен не интересуется женщинами, так что да – убил бы быстро.

И тут... тут офигела уже я.

– Что? – голос вышел чем-то средним между визгливым

и писклявым.

Даже не подозревала, что моя гортань способна на подобные звучания вообще.

– М? – предложил уточнить вопрос Даркан.

Но я уточнять не рискнула. И вообще чувство такое возникло, словно хожу по тонкому льду, и... и где-то на горизонте маячит либо ледяная пустошь полного безмыслия, либо... секс с Дарканом, и второе точно хуже.

– Уверена? – насмешливо поинтересовался князь. – Я могу удерживать твое безмыслие и до, и после, и частично даже во время исполнения супружеского долга. Впрочем, нет – во время не стану, предпочитаю концентрироваться на удовольствии.

И вот он назрел страшный, но действительно крайне интересный меня вопрос:

– А что, ваша трансформированная форма позволяет получать удовольствие?

И тут бы мне заткнуться, наверное, стоило бы, но как вспомню вполне милые груди княжны Мортем на нечеловеческом и невампирском теле хрен его ведает чего...

– Кстати, чуть не забыл, – Даркан посмотрел мне в глаза и сообщил, – семья Мортем настаивает на твоём присутствии во время похорон княжны.

– Идут нахрен! – сходу ответила я.

Едва заметно улыбнувшись, князь сообщил:

– Что ж, я был гораздо более сдержан, но смысл ответа

был примерно тем же.

И я почему-то улыбнулась, но померкла улыбка быстро, едва я вспомнила, что рядом с головой княжны, на пороге стояла и голова кэпа Маера... Да и голова княжны тоже не радовала.

– Ну почему же? Ведь ты хотела ее смерти.

– После следствия и суда, – высказала, стараясь больше не думать о Маере в принципе.

И о том, кто его убил.

– Считай что я судья, а следствие не потребовалось – ты превосходно справилась и сама, – еще одна похвала от Даркана меня напрягла.

И я не знаю, в чем дело – то ли в страхе, что он заставил ощутить в полной мере, то ли в намеке на другие «следствия». Но стало жутковато.

И так, если посмотреть со стороны – то напротив меня сидел аристократичного вида совершенно потрясающий парень, такой фантастически-нереально-красивый, уверенный в себе и словно окруженный ореолом этой уверенности, харизматичный и располагающий к себе с первого взгляда... И этот парень весьма своеобразно, но тактично обо мне заботился – помог моей маме, послал нахрен Мортемов, Грэю приставил ко мне, и даже еще ни разу не изнасиловал, хотя мы уже три дня как женаты, и плевать, что я замуж не хотела от слова – вообще. Но в целом – красивый же парень, заботливый очень... Только вот одна мааааленькая деталь –

он гребанный вампир и манящая нежность его обаятельной улыбки, способна смениться хищным звериным оскалом в любой момент.

– Знаешь, – Даркан смял салфетку и бросил ее на стол, – кажется, с меня достаточно!

Это называется – хотела наладить отношения с князем.

– А ты хотела? – с вызовом спросил он. – Неужели? Возможно, ты удивишься, Каиль, но я что-то ни одной попытки наладить хоть что-то не заметил.

Мне хотелось ответить что-то язвительное, но очень напугало пребывание сознания в ледяной пустоши абсолюта безмыслия, и вообще, внутри начала нарастать паника... Да меня просто затрясло от этой паники!

– Каиль, – Даркан определенно хотел встать, но почему-то остался на месте, – давай попытаемся начать все с начала.

Это с какого? Нет, вслух я этого не говорила, полностью парализованная ужасом, но так, в целом, реально интересно стало.

– Это с сейчас, – уточнил князь. – Полагаю, все прежние счета мы сравнивали.

Это какие?!

Нелепые вопросы, понимаю, но, мать его – какие счета еще?

Даркан выглядел так, словно реально заслужил премию за Терпение и Благодетель. Хотя с благодетелью это я явно зря, благодетели тут не наблюдалось.

– Хорошо, я поясню, – почти прорычал Даркан. – Ты обманула меня, солгала, практически глядя в глаза, и исчезла, оставив дожидаться тебя у дверей аптечного туалета. Не могу назвать это приятным времяпрепровождением. Особенно когда из упомянутого помещения вышла женщина неопределенного возраста, и, вероятно, неопределенного веса, так как не все весы способны измерить то, что с трудом протискивается в двери.

И тут я представила себе картину – прекрасный парень, словно сошедший с обложки какого-нибудь супер глянцевого издания стоит близ не самого приятнопахнущего помещения в ожидании идиотки, которая по тупости не заметила в какую машину села, а тут появляется ОНА.

– Это была я, – даже не знаю, зачем солгала, – просто корсет сняла! И белье утягивающее!

И губы князя дрогнули. Всего на миг, но я точно видела. И стало ясно по какой причине он улыбнулся, едва Даркан добавил:

– Что ж, в таком случае должен заметить, что ты значительно выросла в плане гордости, этики и морали. Потому как та... дама, обратилась ко мне с просьбой о деньгах, коих ей не хватало на бутылку, и предложила расплатиться за «займ» практически не сходя с места, причем речь шла об оплате натурой.

– Надо было соглашаться, – высказала свое мнение я. – Интим практически на халяву, где еще такое встретишь?

– В браке, – мрачно и с намеком уведомил князь.

Черт.

И да – всегда знала, что вампиры жмоты.

– Это ты все еще налаживаешь наши отношения? – любезно поинтересовался Даркан, но я точно знала, что он вот прямо сейчас издевается.

Но издевался князь недолго.

– Каиль, – взгляд его темно-серых глаз стал более чем серьезным, – я понимаю, что это тебя пугает. Я понимаю причины. Я постараюсь быть максимально нежным и аккуратным.

Охренеть, да.

То есть это значит – насиловать мы тебя, деточка, будем, но, мы добрые и заботливые, так что для начала водочки нальем.

– Плохая аналогия, – прокомментировал Даркан.

Несколько секунд я сидела, глядя на него, а после не выдержала:

– Я никогда, просто вот НИКОГДА не соглашусь на подобные отношения с вами!

Похолодевший взгляд и ледяное:

– У тебя нет выбора.

Мне хотелось сказать: «У тебя тоже. Тоже нет выбора. Потому что у тебя нет меня! Нет и никогда не будет!». И я могу лгать самой себе, могу лгать Даркану, могу лгать всему миру, но я точно знаю правду.

– Ты ничего не знаешь, – как-то бесконечно устало, вдруг произнес князь.

Несколько бесконечных секунд он молчал, я резонно опасалась издать хоть звук, не говоря о мыслях. Кажется, ледяное безмыслие я практически научилась вызывать у себя сама.

– У тебя выбора нет, – продолжил Даркан, – выбор есть лишь у меня, Каиль. Так было, есть и будет. А ты... привыкнешь.

«Уже!» – мрачно подумала я.

И князь это услышал.

Внимательный взгляд на меня, легкая усмешка в уголках губ и... все вдруг как-то изменилось. Из позы Даркана исчезла усталость и опустошенность, из глаз пугающая пристальная внимательность, и вот спустя миг передо мной просто потрясный парень. Немного наглости, много уверенности, толика галантности, изысканность манер, скрывающая силу изящность движений. И притягательность до такой степени, что я не смогла отвести взгляда и пялилась на Даркана как замороженная.

– Давай поиграем... в любовь, – голосом, от которого по всему телу побежали мурашки, вкрадчивым, немного хриплым, очень проникновенным, произнес князь.

Но я вдруг очень отчетливо поняла – это не игра. Это и есть любовь. Когда на тебя смотрят так, словно вся вселенная сжалась до маленького солнца, и это солнце – ты. И любовь,

она похожа на сияние солнца, на бесконечную нежность, и на теплое, тягучее желание стать ближе, ближе и ближе...

– Знаешь, я всегда любил скорость, – произнес Даркан, не отрывая от меня по-настоящему любящего взгляда. – Если бы кто-то спросил меня, что лучше, секс или скорость, я бы ответил – скорость. Фантастическое ощущение полета, силы, уверенности в том, что сумеешь справиться с автомобилем или мотоциклом в любой ситуации и зашкаливающий адреналин, когда действительно справляешься. Я всегда любил скорость, Каиль, фанатично любил... до того мгновения, как в моем автомобиле появилась ты. Ты, возможно, не помнишь, но с тобой я тащился на двадцати километрах в час, и мне хотелось ехать еще медленнее.

Почему-то я судорожно сглотнула.

– Меня не покидало ощущение, – продолжил князь, не сводя с меня полного нежности взгляда, – что едва ты выйдешь из машины – я тебя потеряю. Знаешь, я ведь впервые в жизни испытывал страх. Странный, совершенно иррациональный, ничем не объяснимый страх тебя потерять. Это ведь глупо, ты не находишь?

Я не находила. Я все так же в полнейшем оцепенении смотрела на князя, и видела что-то жуткое... любовь, превращающуюся в одержимость.

– Одержимость... – задумчиво повторил Даркан, – да, в этом что-то есть. Забавно, но сейчас, глядя на тебя, я не могу понять, как мог жить, как мог дышать без тебя. Забавно,

но немного пугающе. Мне кажется, что я и не жил вовсе. Все было как в тумане, часы, дни, месяцы, года – сумеречные, бесцветные, беспросветные. И вдруг мир обрушился на меня красками, звуками, запахами... Я словно проснулся. Выплыл из какого-то беспросветного кошмара, и начал дышать... тобой, Каиль.

У меня похолодели руки, и по спине тоже прошелся холодок... Стало не по себе. Захотелось встать, выйти и забыть все, что я услышала.

– Нет, – очень спокойно произнес князь, – ты не встанешь, не уйдешь и не забудешь. Но есть момент, который тебе придется мне объяснить. Почему я до сих пор ощущаю страх? Почему не покидает ощущение, что я потерял тебя в тот миг, когда ты вышла из моего автомобиля? Ты моя. Ты принадлежишь мне. Мои сила и положение не оставляют тебе никакого выбора – ты не сможешь уйти и никто не сможет тебя у меня отнять. Но почему-то страх никуда не уходит, он только растет. Я боюсь потерять тебя даже сейчас. Почему, Каиль?

Напряженно глядя на князя, я вдруг высказал:

– Это ваше «поиграем в любовь», как-то больше похоже на допрос.

Даркан улыбнулся.

Потрясающе красивый парень, от одной улыбки которого сердце замирало, вызывал во мне неловкость. Неловкость от ситуации, от слов, от положения, в котором я оказалась. Если отбросить все подробности моего брака, то, вот если со-

всем честно, мне здесь не место. Я обычная девушка, меня вполне устраивает вечер с пищей перед теликом, а не изысканный ужин с платьем, драгоценности и нереально красивым вампиром. Это все не мое, и не для меня, и...

– Ты себя недооцениваешь, – с нежной чуть снисходительной улыбкой произнес Даркан. – Нереально красивая здесь ты. Нереально нужная – тоже ты. Безумно необходимая – снова ты. Забавно, я всегда презирал мужчин, готовых отказаться от всего ради любви женщины. Теряющих честь, гордость, положение. Я этого не понимал. Считал слабостью, недостойной настоящего мужчины. Но вчера ночью я поставил под удар себя, свой дом, положение своего дома, только лишь потому, что ты решила поиграть в народного мстителя. И знаешь, что в этом самое чудовищное?

Я не знала. Но мне уже было страшно.

Даркан усмехнулся, и совершенно искренне произнес:

– Самое ужасное в этом то, что я не жалею. Ты была счастлива в этот момент. Ты улыбалась так, как не улыбнулась ни разу со дня нашей свадьбы. Ты почти сияла... А я оказался одержим тобой настолько, что был готов убить всех представителей всех княжеских домов ради одной твоей улыбки. Любовь оказалась страшной штукой, Каиль, я бы даже сказал – чудовищной. Но мне плевать. Я готов вынести все, выдержать любой удар, ввязаться в любую схватку, но я не готов потерять тебя. И все же не могу понять, почему, несмотря на все исходные данные, чувствую, что теряю...

Всем что я сейчас ощущала – был почти безотчетный ужас. А чувства князя... Черт, я как-то вообще не виновата в том, что кого-то там переклинило на мне. В подростковом возрасте я увлеклась солистом одной мальчуковой группы. О, я была влюблена по уши. Я покупала плакаты с его мордой на все свои последние деньги, я слушала альбомы, его голос крутился в моей голове, кажется, даже когда я спала... Но мне как-то вообще даже не приходило в голову выкрасть своего кумира, запереть его где-то в подвале и трындец как любить. Это был мой выбор – любить или не любить, и я свой выбор никому не навязывала, тем более не навязывала насильно. И, в общем мне, конечно, было немного жаль сейчас Даркана, но будем откровенны – кому из нас сейчас хуже? Мне, запертой и скованной по рукам и ногам, вырванной из моей нормальной жизни и притащенной в эту вампирскую психушку с перспективой самой стать психованной вампиркой, или ему, который вдруг взял да и влюбился.

И, в общем, решительно выпрямившись и вскинув подбородок, я четко ответила:

– Любовь – это обоюдное чувство. Его не навязывают. Им не угрожают. И...

Темный взгляд князя стал еще темнее, и вампир тихо произнес:

– Скажи это тому, у кого отнимают кислород, лишая возможности дышать.

Черт, вот это постанова вопроса.

Но дальше все было только хуже.

– Как его звали? – отстраненно и даже несколько безразлично спросил Даркан.

– Кого? – не поняла я.

Легкая усмешка, остро-бритвенная опасность проскользнувшая в серо-черных глазах и уточнение:

– Того, в кого ты была влюблена.

Ааа... Твою мать!

– Я тут подумала, – торопливо проговорила, – идея поиграть в любовь очень даже интересная. Пожалуй, присоединюсь... дорогой.

И усмешка князя стала какой-то горькой, надломленной, что ли. Я себя даже на секунду мразью почувствовала – мне ведь в любви признались, а я... А я никогда не забуду оторванную голову кэпа Маера.

– Забудешь, – холодно произнес Даркан. – Но, – насмешливый взгляд на меня, – мы ведь играем и ты в игре, не так ли? Что ж, постарайся. Ведь на кону теперь стоит жизнь.

Я отвела взгляд, несколько секунд смотрела на свой бокал с алым спиртоисключенным напитком, сдерживая нервную дрожь. Я была в панике, паника вообще нарастала с каждой секундой этого «семейного ужина», а теперь, кажется, заполнила все пространство до краев. Прямо как это фальшивое вино заполняло мой бокал. Надо было выкручиваться! Срочно! И понимая, что играть сейчас придется на грани, я представила себе что... напилась. Вдрызг. И, в общем, я предста-

вила себе, что я пьяная. И тупая. Идеальное сочетание, особенно когда собираешься раскрыть заговор, и при этом еще играешь в любовь. Вообще охрененная тема – «Влюбись в меня, если сможешь». А если не сможешь, то каюк всем и вся, кому не посчастливилось. Не посчастливилось многим – я потом была влюблена в одного блогера, и в сержанта в полицейской академии, и еще в парочку парней, но там влюбленность была дня на два-три. И я просто ходила себе никого не трогая, безответная любовь вообще моя тема, ибо у меня ни разу смелости не хватило признаться объекту чувств в этих самых чувствах, а теперь... им всем запросто могут оторвать голову, только потому что одной больной на всю голову мне довелось испытывать к ним что-то. Да я даже не уверена, что любила – так, просто увлечения. Ну, или восхищение на расстоянии – тоже бывало.

– М-да, – только и произнес князь.

Так только между прочим, он был красивее, умнее, увереннее и сильнее всех, кого я когда-либо любила, но при этом я сильно сомневалась в том, что сумею испытать к нему хоть что-то кроме панического ужаса.

– Мы играем. Ты не забыла? – вернул мои мысли в «здесь и сейчас» Даркан.

Сто пудово уверена, что эту идею ему предложила Грэй. Психотерапевт гребанный. Но я в игре, да, и выбора у меня особо нет. И я похлопала ресничками, сексуально улыбнулась... не уверена, что это было прямо секси, но Даркана

не перекосило, мне воды никто не предложил, и в психушку никто не звонит, а значит, работаем дальше, офицер Каиль Меттланд. И я невинно произнесла:

– Князь, а...

– «Любимый», – издевательски поправил меня Даркан.

Тварь, да чтоб ты сдох! И я тебя может тогда даже полюблю, посмертно.

Но выдавив улыбку, я мило продолжила:

– Любимый, а где... твой личный секретарь?

Даркан отреагировал приподнятой левой бровью, затем одно едва заметное движение рукой и дверь открылась, впуская остальных участников «спектакля». Вампиры вломились к нам беззвучно и почти незаметно – как тени. И рассредоточились тоже как тени – их вообще не было видно.

Еще одно движение и из сумрака, а в этом зале освещался только наш стол, вышли оба секретаря разом – личный с залысиной, который уже был знаком мне, и второй, который деловой или как его там. Тэранс замыкал шествие.

Что ж, кто-то хотел игры? Сейчас сыграем. По моим правилам.

Итак, передо мной имелось трое подозреваемых – два секретаря и тысячник. И всего одна попытка, чтобы раскрутить их на эмоции. Точнее не их – мне нужен был один. И вот этого одного нужно было раскручивать.

– Ближе подойдите, – цепко оглядывая каждого, приказала княгиня Даркан.

Я хорошо натренировалась за ночь, и повелительно-приказной тон вышел что надо – они подошли. Оба секретаря и остановившийся на середине пути Тэранс. Тысячник нервно оглянулся на князя, но Даркан не отреагировал, с мрачной настороженностью ожидая моих дальнейших действий. Что-то заподозрил? Ну, не зря.

Я внимательно посмотрела на каждого из секретарей и четко произнесла:

– «Твой шанс».

Честно говоря, ожидала, что как-то отреагирует лысик с папкой, но... но... внезапная бледность до трупной синевы накрыла второго секретаря, и тот час же в него практически вонзил взгляд князь Даркан.

Однако меня бледность второго секретаря как-то не убедила. И даже его падение на колени перед князем. И даже задрожавшие руки. И...

– Нет, это как-то слишком просто, – я откинулась на спинку стула, сложила руки на груди, и посмотрела на князя.

Даркан, ощутив мой взгляд, повернулся ко мне и вот тогда:

– Это точно не он, – не то чтобы я была точно в этом уверена, но – как-то слишком очевидно все было, как-то... фальшиво, что ли.

И я обратилась ко второму тысячнику:

– Тэранс, вы не могли бы передать мне телефон первого секретаря?

Тысячник посмотрел на хозяина, получил утвердительный кивок от князя, быстро и профессионально обшманил карманы вампира, и вскоре подал мне белый телефон. Гаджет был мгонофункциональным, с забитым расписанием, записной книжкой, информацией и... среди всего этого было бы сложно разобраться, но я вбила номер Ивгены Женьер, и в удаленных сообщениях нашла то самое: «Передай леди М. «Автомобиль черный, тонированный, старый, полустертые номера».

Нашла и стерла. Уже окончательно. И вместе с тем – никаких иных сообщений не было. На телефоне Ивгены Женьер сам номер не определялся, там было только это поднадоевшее «Твой шанс», зато номер почившей уже вампириши был более чем определен, и на него с этого конкретного телефона отправили всего одно сообщение... Вопрос, с какого тогда поступали все иные?

Я посидела, нервно постукивая покрашенными, причем виртуозно покрашенными, Греей ноготками – в любом салоне красоты ее бы с руками оторвали, уникальная девушк... вампириша в смысле, и посмотрела на князя.

- Вердикт? – спросил он.
- Подставили, – ответила ему.
- Уверена?
- Процентом на девяносто.

Первый секретарь повернулся и посмотрел на меня. В его взгляде было многое – удивление, потрясение, благодар-

ность, и страх. Страх, потому что рядом с князем страшно было всем.

– Я слушаю, – произнес Даркан, и вопрос был обращен не ко мне.

Вампир средних лет с темными, короткими волосами, не поднимая головы, судорожно сообщил:

– Запись была обнаружена мной после всего... после... вашего скоропали... в смысле очень продуманного и, безусловно, более чем обоснованного заключения брачного союза и...

Оговорочка была в тему. Более чем в тему, и она сама по себе несла достаточное количество информации – то есть первый секретарь все еще считал меня сладкой, или чего там у них, что-то вроде избранной, не важно. В любом случае, он был уверен, что я что-то значу, а те кто пытался меня убить, уже были осведомлены о том, что я пустышка. И лично я снова посмотрела на личного секретаря.

Неприметный полулысик стоял с безучастным выражением лица. Как любой простой человек я бы сказала – не виновен, а как полицейский со стажем могла уверенно сказать «вот он наш предатель».

В этот момент открылась дверь, без стука, и меня мгновенно окутало аурой спокойствия – о том, что вошел Навьен, я знала, даже не оборачиваясь. И я отслеживала каждый из его практически неслышных шагов, с трудом подавив желание обернуться, едва он подошел ко мне, и вовсе постаралась

выкинуть любые мысли из головы, когда тысячник поставил передо мной стакан с ягодным смузи и трубочкой.

– Я, полагаю, княгине требуется некоторое время, чтобы привыкнуть к новому... прикусу, – произнес он, объясняя и свое появление и свою заботу.

– Спасибо, – выдохнула я.

И подавилась фразой, едва заметила взгляд князя на себе.

Черт, а что вы знаете о рентгене?! Кажется, я теперь знала о нем все.

– Оставьте нас, – вдруг приказал Даркан. – Тэранс, лично-го секретаря под стражу.

Полулысый вампир было вскинулся, но на него никто и не смотрел – все снова беззвучно покидали столовую, и уходили из нее вампиры, а вползали, казалось тени, жутким сумраком жуткого предзнаменования.

Я с трудом подавила желание попросить Навьена, чтобы он остался – но просить не пришлось, тысячник стоял по правую руку от меня, и даже не сдвинулся с места.

А Даркан продолжал смотреть на меня. Пристально, изучающе... паршиво.

И так ровно до той секунды как захлопнулись двери, как задернулись шторы, как нас троих отрезало от всего мира. И мне хотелось заорать от надвигающейся паники, но рядом молча стоял Навьен и я... я тоже заставила себя сидеть, не дергаясь.

– И-так... – медленно произнес князь.

Меня начало трясти. Просто трясти. Жуткая мысль «Он все знает! Он все знает!» пульсировала в висках, сердце колотилось безумно, пальцы стали ледяными, ладони дрожали.

«Он все знает»! Он...

А потом вдруг в голову пришла совершенно другая мысль. «А что конкретно он знает?». Конкретно – что?

Неизвестность напрягала. Неизвестность вдруг начала напрягать куда сильнее, чем страх. Неизвестность требовала действий, слов. Неизвестность давила. Неизвестность...

Неизвестность ли?

Мой взгляд перестал метаться по мрачнейшей столовой, и я посмотрела прямо на князя.

– И-так что? – спросила практически враждебно.

Нет, правда, что?!

– Итак – вас подставили, – продолжила я. – Итак – у вас тут крыса завелась! Итак – сегодня меня пытались убить, причем кто-то близкий к вам! Итак – Малисент пытались устранить, подставив движение сопротивления! Какое еще «итак» вас интересует?!

Даркан усмехнулся и произнес:

– «Итак, у меня интрижка с Навьеном»?!

Что?

Сердце рухнуло куда-то в пропасть, но я все равно смогла выговорить:

– Ого...

Сглотнула, отпила из стакана, и, чувствуя, как задыхаюсь,

и начав играть на грани фолла, потрясенно спросила:

– И... давно... вы двое вместе?..

Я спросила, я выговорила это с трудом, но мысли... Вот передо мной князь вполне половозрелой наружности, и у него, судя по словам Навьена, никогда не было жен, а когда жена потребовалась... Жену для Даркана выбирал Навьен! Самому князю это даже не было интересно... И князь, как не раз говорил тысячник, ему очень дорог, и... И что если личный секретарь знал об этой особенности их «отношений», и сделал все возможное, чтобы подсунуть князю Ивгену Женьер, которая, даже догадавшись, смолчала бы, ради сохранения своего статуса? И тогда, получается, личный секретарь просто заботился о господине? И... как же это...

– Ты!!! – прошипел, поднимаясь, князь.

Из него тут же вылезла дымчатая субстанция, окинула меня внимательным взглядом, и задумчиво произнесла:

– А что, неплохая теория. Хм, странно, что я сразу не догадался.

– Испарись! – прорычал Даркан.

Субстанция испарилась, на прощание подмигнув мне.

А разъяренный князь молниеносно покинул столовую, хлопнув дверью.

И вот после этого, я взяла бокал со смузи, потянула действительно ягодное содержимое, и да – хорошо, что Навьен о трубочке подумал, ибо есть с этими клыками действительно было бы малоудобно.

– Каиль, ты что сейчас провернула? – прошипел вампир. Блин, я бы сказала, но ты же меня потом сам прибьешь! Продолжаю безмятежно пить смузи.

– Что за теория? – Навьен наклонился, упираясь рукой в стол. – О чем ты думала?!

Пожав плечами, улыбнулась, всеми наращенными клыками, и милостиво призналась:

– Тебе лучше не знать.

На самом деле можно было ответить: «Я никогда не рискну тебе об этом рассказать», но к чему слова, если я и так не рискну. Реально не рискну. Зато стало ясно, что князь молод. Действительно молод – думать о том, что скажет кто-либо, и психовать по данному поводу, свойственно только молодым.

– Сколько Даркану? – спросила, сделав очередной глоток.

Навьен, все так же согнувшийся, и глядевший на меня упираясь сильными ладонями о стол, ответил:

– В вашем летоисчислении, или в нашем?

А что, они разные?

– Давай оба.

Тысячник всмотрелся в мои глаза и хрипло ответил:

– Не надо с ним играть.

– Почему сразу «не надо»?

– Если я скажу «не смей» прозвучит лучше? – с яростью спросил Навьен.

И холодно добавил:

– Это князь, Каиль. Не играй с ним.

Я посмотрела в темные глаза вампира, и тихо спросила:
– А что мне еще остается, Навьен?

Вопрос по существу.

Мы разорвали зрительный контакт одновременно, я, опустив взгляд, он отвернувшись. Несколько секунд тишины, в которой одной минорной нотой звучала безысходность. Исключительно безысходность.

Я могла трепыхаться и играть из последних сил, но итог мне был известен – не сегодня, так завтра князь узнает, что я не вампир, что мне удалось остановить оборот, пусть и ценой того, что я чуть не сварилась в горячей воде, и что Навьен не только не выполнил приказ, но и помог мне с клыками. В общем конец и мне и тысячнику, я это отлично понимала, но... но...

– Навьен, – позвала, не знаю зачем.

Он тоже понимал, что смысла во всем этом нет, просто никакого смысла, не знаю, зачем позвала, но стало как-то стыдно и неловко от собственного порыва, как-то не по себе, словно попросила о помощи, и ощущение, будто упала в своих собственных глазах. Ведь попросила, практически попросила, причем отчетливо понимая – это ничуть не поможет мне, лишь подставит под удар его. Хотя итак под ударом оба...

«Мама, смотри, звезды падают»

«Они не падают, они умирают»...

Что ж, теперь я вполне могла сказать:

«Мама, смотри, я умираю...»

В этот момент на телефон тысячника пришло сообщение. Он активировал гаджет, прочел сообщение и показал его мне.

Там значилось только одно: «Я понял», и имя «лорд Сторс» в отправителях.

Почему-то улыбнулась. Не знаю, надолго ли он понял, но очень хотелось верить, что до него дошло. В хорошее всегда хочется верить.

Но хорошее закончилось, едва особняк князя Даркан потряс чей-то крик, переходящий в вой.

Я застыла, потрясенно глядя на Навьена – крик реально пробирал до костей, но тысячник лишь равнодушно повел плечом, разминая шею, и пояснил:

– Шестое оживление вещь не безболезненная.

– В смысле шестое оживление? – не поняла я.

Навьен постоял, глядя на меня, странно улыбнулся и ответил:

– Как ты думаешь, почему вампиры, при всем их свободолюбии, терпят абсолютное владычество князей?

Ну, причин могло быть множество, например те же князья сильнее.

Однако...

– Князья обладают способностью оживлять убитых вампиров, – не дождавшись предположений от меня, сообщил Навьен. – Причем не только ритуально убитых, а всех.

Я посидела, вспоминая местный морг, головы, хранящиеся отдельно от тел, все что удалось узнать, и переспросила: – Только князя? Никто больше, одни князя, да?

Навьен снисходительно улыбнулся, для него это было само собой разумеющимся.

Это мне вся полученная информация рвала сознание на мелкие тряпочки, а ему норм, для него это проза жизни, нечто естественное, понятное и давно осознанное. А для меня – нет! Потому что одно дело просто услышать, и совсем другое – реально осознать.

– Так, – я всосала остатки смузи с тем жутким звуком, который издает пластиковая соломинка когда в стакане заканчивается жидкость, откинулась на спинку стула и подвела итог: – Князя обладают силой, властью, и способностью оживлять, так?

– Ты уже знаешь ответ, – ровно ответил Навьен.

– Знать то я знала, а вот осознание нахлынуло только сейчас, – я посидела, ощущая накатывающую истерику.

Почему истерику? Так у меня вся ночь впереди! С князем! Будем играть в любовь. О том, в какой момент все перейдет от игры в занятие любовью думать не хотелось совершенно. Хотелось орать и в панике бегать, причем желательно не по потолку, а подальше от этого замка. И я была готова бежать даже в туфлях на каблуках по непролазному лесу. Я на все была готова, кроме... ночи с Дарканом.

– Давай сбежим? – едва слышно попросила я.

Навьен посмотрел на меня с такой болью во взгляде, что мне опять стало стыдно. Стыдно просить о помощи у того, кто и хотел бы, но абсолютно не в силах помочь.

И в этот момент к нему на телефон пришло сообщение. Звук резкий, словно в отдалении сквозь грохот надвигающейся бури, прорвался вой сирены. Тысячник достал телефон, посмотрел на экран, помрачнел, перевел взгляд на меня.

– И? – я и так нервничала, а тут еще он молчит.

Навьен повернул экран ко мне позволяя воззриться на что-то нечитаемое. И не понять, то ли рунная вязь, то ли иероглифы.

– А, ты же мелкая! – вспомнил «вдруг» этот тысячелетний тролль вампирской наружности.

И под моим мрачным взглядом, снизошел до перевода:

– Сообщение от доктора Савадж.

Я вспомнила блондинку в морге. Кивнула с умным видом и спросила:

– Как она?

Пришел звук второго сообщения.

– Она? – читая второе сообщение, задумчиво произнес Навьен. – Она нормально.

Посмотрел на меня и произнес:

– Ивгену Женьер забрали.

Я как-то даже не сразу поняла, о чем он. Ивгена была мертва. Ее казнили еще в обувном бутике, ей же принадле-

жащем, и, насколько я понимаю, родственников у нее не было, так что тело...

— О, черт! — я вспомнила, что наличие тела, еще не гарантирует собственно наличие смерти. — Кто? — с замиранием сердца спросила у Навьена.

Тот ответил явно нехотя:

— Княгиня Мортем.

У меня не было слов. Не было эмоций, не было ничего... кроме пары-десятков тысяч вопросов.

— Княгиня Мортем?.. — начала было я.

— Да, способна оживлять, как и все рожденные князьями, — голос Навьена был отражением моих собственных эмоций и чувства абсолютной безнадёги.

Черт!!!

— Мы можем?.. — начала было я.

— Сунуться в замок семьи Мортем? Нет. Князь Мортем и его сыновья слишком... чувствительны. И если князь Даркан тягу к тебе воспринимает естественным продолжением уже неоспоримо имеющих чувств, то... — Навьен посмотрел на меня.

Он больше ничего не сказал, но оно и не требовалось.

В принципе как бы не требовалось, но:

— Мы же не можем это так оставить? — нервно проговорила я.

— Мы — можем, я — нет, — спокойно ответил тысячник. — Я разберусь с ней сам.

То есть он пойдет себе геройствовать, вести расследование, мотаться по городу, жить в конце концов, а мне тут... заниматься сексом с Дарканом? Так получается?

Посидела, нервно кусая губы, и высказала:

– Ты не можешь так поступить со мной, Навьен.

Шаг ко мне, тысячник наклонился, посмотрел мне в глаза и тихо выдохнул:

– Я не могу поступить с тобой иначе, Каиль. Ты – его женщина. Ты его жена. И он тебя искренне любит, к моему бесконечному сожалению. Я сделал все, что мог. Я пытался. Я убрал доктора и зачистил следы. Я... Ты слышала слова князя.

Подавив судорожный вздох, тихо переспросила:

– Это те слова, среди которых было: «Каиль вполне устраивает меня и такой, какая она есть»?

Тысячник молча кивнул.

Что ж, эти я слышала.

– Это после твоей фразы: «Обычная девка, таких миллиарды. Я уберу ее быстро, найду максимально похожую вампиршу, пара операций и никто никогда не заметит подмену, а у вас будет достойная княгиня без вывертов и склонности к диверсиям»? – поинтересовалась у Навьена.

– Хороший слух, – весьма цинично похвалил он.

Да, слух у меня, к сожалению, хороший.

– Это был наш единственный шанс? – спросила едва слышно.

И Навьен устало произнес:

– Да.

Помолчал и добавил:

– Прости.

Когда он выпрямился – я все еще смотрела на него. Когда развернулся, и вышел – я смотрела в пространство, где еще секунду назад стоял он, и чувствовала как глаза жгут слезы. Когда за ним захлопнулась дверь, две соленые капли сорвались с ресниц.

Дверь открылась снова, вошла моя новая горничная, которую я абсолютно точно верну Малисент, как только придумаю иной вариант увольнения Грей, в смысле тот вариант, в котором Даркан не отрывает ей голову, я...

– Княгиня, – Грэй неожиданно подошла очень близко, наклонилась к моему уху, и прошептала, – князь приказал покинуть столовую и спуститься вниз. Приказ немедленно надлежит исполнить.

Очень хотелось сказать нет, ответить как-нибудь грубо, хотя бы просто заорать, но... я внимательно посмотрела на горничную. Взгляд вампириши выражал что-то такое, чего явно не могла выразить речь, и... она переживала за меня. У меня как-то вдруг сложилось такое ощущение, что Малисент в своем доме всех заразила этой несвойственной вампирам добротой.

– Игрёй «в любовь» ты князя надоумила? – мрачно поинтересовалась.

– И не только, – с энтузиазмом и сияющей клыкастой улыбкой подтвердила она. – Я предложила двенадцать действительно работающих методик.

Да чтоб тебя!

И я собиралась высказаться по поводу всей ее психотерапии, но Грэй вдруг перестала улыбаться, и напряженно произнесла:

– Княгиня, я ощущаю опасность. Поднимайтесь очень тихо. Идите туда.

И Грэй указала на стену. Там действительно стена была. И темно-зеленые в черные трефы обои, и серебряная окантовка, и... там оказалась дверь. Я это поняла, едва Грэй ее открыла, а так ни за что бы не догадалась. И еще одна маленькая деталь, которую я несколько упустила из виду – вампириша забрала со стола и мой стакан с соломинкой, и салфетку, которая лежала передо мной.

Случившееся далее меня потрясло!

Грэй практически втокнула меня в темный проход, для женщины ее расы это труда не составляло вовсе, и она же, захлопнув дверь, и погрузив все пространство в темноту, придержала меня, оберегая от удара о противоположную стену.

И почти сразу в доме что-то взорвалось.

Не то чтобы взрыв оказался критическим для здания, но окна в столовой определенно были выбиты, и следом послышался хруст битого стекла, по которому ходили... самоубийцы.

В смысле – наемные убийцы, просто тупые очень, потому как не понимать, чем для них закончится этот «заказ», могли только полные идиоты.

У них была секунда, может две. После быстрое голосовое сообщение кому-то по телефону: «Нет, она не особенная». И три взрыва. Тупо три взрыва.

Когда Грэя отпустила меня и я ринулась к узкой щели дверцы, все что я увидела – трех полыхающих негасимым огнем вампиров, которые рухнули сначала на колени, затем повалились на пол ничком. Их взорвали. Причем несложно было догадаться кто – заказчики нападения, потому как сгоревших вампиров допросить нельзя, вот их и сожгли. Ну и от столовой князя Даркана нихрена не осталось. Вообще нихрена – наверху под потолком плавилась металлическая люстра, хрустала на ней не осталось.

А потом я увидела стоящего в проеме выбитых взрывом дверей ведущих в холл абсолютно белого как полотно Навье-на. Он выглядел страшно – никогда не видела такого ужаса в чьих-то глазах. Я видала разные степени отчаяния и горя, когда работаешь в полиции увидишь и не такое, но то, что сейчас выражал взгляд тысячника... казалось весь его мир только что рухнул.

Просто рухнул.

Превратился в ничто.

Исчез, оставляя пустоту и отчаяние. Если бы вампир мог бы сдохнуть вот так, без нанесения тяжких телесных, то На-

вьен сейчас подышал.

Единственное, что держало его на этом свете – взгляд, судорожно мечущийся по столовой в поисках меня... того, что от меня осталось, хотя бы чего-то, что было бы мной.

– Ты странно себя ведешь, – раздался вдруг флегматично насмешливый голос князя.

Тысячник даже не вздрогнул, лишь глухо спросил:

– Где Каиль?

– «Каиль»? – вопрос-насмешка, за которой скрывалась уже практически явная угроза.

И Навьен понял, как сильно попал.

Опустил голову, рухнул на одно колено, и произнес:

– Не Каиль – Княгиня. Я прошу прощения, за фривольность в отношении вашей супруги, князь.

Он почти стал нормальным, в том понимании нормы, которая была типична для тысячелетних вампиров, но хватило его менее чем на секунду, и Навьен глухо спросил:

– Где княгиня?

Вопрос, в котором ничем не завуалированная звучит мольба на грани унижения.

И я как-то скорее интуитивно поняла, что сейчас Навьен именно просит, и именно униженно. Я лишь не могла понять смысла его поведения. Он же выдавал себя с головой! Он же рисковал сейчас этой самой головой. Он...

– Ты солгал мне, – очень тихо произнес князь.

Тихо, но от озноба, пробежавшегося по спине, содрогну-

лась даже Грэя.

И это не было вопросом – Даркан просто знал. Он все уже знал!

И Навьен был слишком умен, чтобы не понять этого.

Но вместо того, чтобы сейчас просто заткнуться, или выкрутиться, этот тысячелетний идиот, хрипло сказал:

– Да.

И у меня остановилось сердце.

– Ты возжелал недопустимого, Навьен, – продолжил князь, произнося каждое из слов с железобетонной уверенностью.

Я вспомнила слова тысячника «Не надо с ним играть» и поняла, что Навьен был прав – с Дарканом играть определенно не стоило. Это как дразнить тигра, причем не в зоопарке, а прямо в саванне, не имея с собой даже револьвера или ножа. Хотя хрен с тигром поможет и первое и второе. Но хоть попытаться же стоило! Пусть безнадежно, пусть без шансов, пусть даже зная заранее, что все обречено на провал, но покорно ждать расправы тоже не выход.

Я рванулась к двери, даже не осознавая этого, и всхлипнула, когда Грэя удержала, сильно, жестко, накрыв мои губы ладонью, чтобы ни одно судорожное рыдание не прорвалось. Я дернулась, даже зная, что мне нечего противопоставить вампирше в плане силы, и замерла, услышав тихий голос горничной:

– Если князь увидит ваши чувства, лорд Навьен будет со-

жжен. На ваших глазах. Возьмите себя в руки, княгиня, у вас нет ни шанса спасти его от наказания, но есть шанс уберечь от гибели.

Я дернулась, пытаюсь вырваться и Грэя жестко добавила:
– Отрывание головы – еще не смерть. Не усугубляйте, княгиня. Навьен всегда был предан дому Даркан, князь, несомненно, примет это во внимание. Но если он поймет что и вы равнодушны к тысячнику, от Навьена останется лишь пепел. Возьмите себя в руки.

Когда она уводила меня прочь по темным переходам, мое сердце билось там, в разгромленной столовой. Мое дыхание осталось там, в разгромленной столовой. Все мои мысли тоже оставались там...

Со мной были лишь слезы.

Только слезы.

Это было страшно. Страшно лежать на постели, где-то в глубине даже не дома – подземелья, и прислушиваться к каждому звуку, каждому шороху, каждому отголоску... которых не было.

Все что имелось в наличие – тишина. Абсолютная, давящая осознанием своей слабости, безнадеги и сжирающим душу страхом, причем даже не за себя. Мне не стоило слушаться Грэю. Нужно было вмешаться, остановить Навьена с его треклятым приступом откровенности, или хотя бы дать понять, что я жива, что со мной все в порядке, что я... я тут, я рядом, я даже буду с князем, если хочешь, только не надо из-за меня умирать...

– Княгиня, я приготовила для вас ванну, – Грэй стояла рядом с моей кроватью уже даже не знаю сколько.

Я почти ненавидела ее, когда она эту ванну набирала и шум воды мог заглушить... даже не знаю что, что-нибудь, какой-нибудь из звуков, слов, обрывков крика... Я ненавидела ее, когда она притащила меня в эту нижнюю мою комнату, которую превратили в полностью идентичную комнате верхней, все с той же подсветкой по контуру пола. Я ненавидела каждое ее слово, потому что оно могло заглушить последний крик того, кого я... за кого я так боялась.

– Княгиня, так нельзя, – Грэй присела перед кроватью, заглянув в мое мокрое от слез лицо, – князь – это теперь ваша судьба, ваша жизнь, ваше всё.

Мне было мерзко от собственной слабости, от того, что

лежу здесь, беззвучно глотая слезы, но сил сказать правду, хватало:

– Я ненавижу его, Грэя.

Вампирша устало вздохнула, покачала головой, как-то разом и с сочувствием и с неодобрением, и тихо произнесла:

– Как бы пламенно вы его не ненавидели, вам придется его полюбить, княгиня.

Любить? Князя? Seriously? Да я скорее сама себе горло перегрызу!

– Однажды, – Грэя поднялась с пола, и присев на край моей постели, взяла меня за руку, – леди Малисент спросила меня – каково это, быть княгиней?

Она грустно улыбнулась мне, и продолжила:

– Что я могла ей ответить? Ей, которую растили, изолировав от темной стороны этого мира. Разве можно рассказать девочке с нежным и ранимым сердцем, воспитанной с верой в справедливость, о том, что такое семейная жизнь?.. Я не смогла.

Грэя вновь улыбнулась. В этой улыбке было уже больше, чем грусть – боль, горечь сожалений, ощущение безвозвратной утраты.

– Вы будете ненавидеть его, княгиня, вы будете его пламенно ненавидеть, сгорая в этом пламени, но пройдет время, и вы найдете спасение в его объятиях, в его глазах, в его любви. Вы будете засыпать, глотая слезы, и молясь, чтобы сердце перестало болеть, а просыпаться – с надеждой, что

новый день принесет только хорошее. Вы будете преданы, не раз и не два, вы будете сгорать заживо от ревности и боли, но прекрасным фениксом восставать из пепла, едва князь вновь переступит порог вашей спальни. Это семейная жизнь, княгиня. Она не простая и для людей, но очень сложна для вампиров, а вам предстоит строить семью с князем вампиров, и сложнее этого едва ли сыщется хоть что-то. Вы девочка, княгиня, девочка с ранимым и отважным сердцем, девочка которая, как и все девочки, живет скорее эмоциями, чем разумом, вам будет сложно, больно, трудно. Но после, когда появятся дети, вы станете жить и дышать ими, радоваться их достижениям даже больше них самих, ощущать их счастье как свое собственное, разделять их боль с ними и глядя на них понимать, что все это было не зря – слезы по ночам, ощущение полной безнадежности, боль, горечь... Это все уйдет, княгиня, и наступит день, когда вы поймете, что все это не имеет значения, ничего не имеет значения кроме вашей семьи и детей.

Млять!

– Грэя, – я села на постели и вытерла слезы, – слушай, не в обиду тебе будет сказано, но психотерапия явно не твое. Вообще не твое. Даже не берись за это.

Посидела, в шоке глядя на удивленную вампиршу, и добавила:

– Слава небесам ты все это хоть Малисент не рассказывала. Не рассказывала ведь?

– Нинет, – несколько запнулась она.

– Ну, хоть что-то хорошее, – обозначила я то самое «хоть что-то хорошее» во всей этой ситуации.

Потому что больше ничего хорошего не было.

– Что будет с Навьеном? – у меня душа содрогнулась от боли, когда я задавала этот жуткий вопрос.

Грэя посмотрела мне в глаза и тихо ответила:

– Навьен возжелал недопустимого. Он будет наказан.

Я же уже знала ответ. Знала, еще до того, как задала вопрос, и все же:

– Каким будет наказание?

И получила чудовищный ответ:

– Смерть.

– Но ты ведь сказала, что если я уйду с тобой, князь его не... не...

Я поняла, что вою раненной волчицей, только когда Грэя заботливо предоставила мне подушку, в которую я могла повить.

И едва мой вой затих, она размеренно продолжила:

– Простите, это была неверная формулировка. Смерть произойдет не в самом фатальном смысле данного слова. Княгиня, это будет его первая смерть. Это больно, но не фатально. Если вы хотите, чтобы Навьен был помилован и оживлен, вам придется скрыть свои чувства от князя. Потому что чувства у вас, к сожалению, есть. Их необходимо уничтожить. Другого пути нет. И постарайтесь выть потише, вас

могут услышать.

Это подействовало – выть я перестала. И слезы вытерла. И села на постели.

В голове созрел очень четкий и простой план – изображать любовь к Даркану и этим спасти Навьена. Это был шикарный план. Надежный, мать его, как швейцарские часы.

А в целом в голове не укладывалось, что Навьена убьют. Сильного, матерого, опытного – убьют только потому, что он немного разумом помутился, решив, что меня больше нет. Это нечестно! Это несправедливо! Так же нельзя...

– Почему... Почему? Почему?! – я рухнула, захлебываясь беззвучными рыданиями.

За что?

Он ведь всего лишь хотел найти тех, кто копал под дом Даркан. А потом... ну поцеловал случайно, но в целом пытался помочь... Он просто хотел мне помочь... А теперь его убивают. Его убивают...

– Княгиня, это не ваша вина, – с абсолютной убежденностью произнесла Грэя. – Несомненно, у вас много общего с тысячником, даже сходные профессиональные интересы и навыки, но вы никогда бы не предали князя!

– «Не предала князя»?! – потрясенно переспросила я. – Грэя, а как можно предать того, кому никогда не был предан от слова совсем? Я не выходила замуж за князя, Грэя! Я не давала согласия на этот брак! Я не принадлежу ему!

Полный искреннего сочувствия взгляд, и выворачиваю-

щая всю мою логику фразы:

– Вы – принадлежите. Вы княгиня и принадлежите своему князю. Это факт. Примите его как данность.

Как данность?

– Меня украли, Грэй! – прошипела я, зло вытирая слезы. – Как вещь. А я не вещь и есть вещи, которые я никогда не приму. Например, обязательства перед вашим князем. Или секс с вампи... с ним же.

Я оборвала себя на полуслове, потому что вдруг поняла – с одним конкретным вампиром я бы на секс согласилась. Но этим одним вампиром был вовсе не князь Даркан.

– Княгиня, – очень мягко произнесла Грэй, – никто не ждет от вас энтузиазма по поводу исполнения супружеского долга. Князь... не обычный вампир, он особенный и вы, несомненно, испытаете боль, а сейчас испытываете вполне объяснимый страх, и это нормально.

Мрачно воззрившись на горничную, я лишь поинтересовалась:

– Ты осознаешь, что сейчас говоришь?

Грэй осознавала.

Более того, у нее даже было обоснование для всего этого бреда:

– Роды – процесс болезненный, но радость материнства затмевает все страхи. В вашем случае будут болезненны как процесс зачатия так и роды, но радость материнства излечит все. В конечном итоге вы будете счастливы!

Охренеть, да.

С кровати я слезала на четвереньках, просто с моей стороны сидела Грэя, а старую одноместную кровать заменили двуспальным интимодромом, так что ползти пришлось изрядно. И только встав на пол, я осознала, что все еще в туфлях. Сняла нахрен!

Постояла, кусая губы имеющимися клыками и судорожно размышляя над извечным «Чего делать?!».

Нет, вообще в целом мне до вот этого вот откровения Грэй было жалко только Навьена, но теперь я четко осознала – есть штуки похлеще смерти. К примеру – такая вот семейная жизнь! И да, у меня появились вопросы:

– И вы что, зная все это, собирались отдать Малисент замуж за Даркана?!

– Княгиня... – Грэя плавно поднялась.

– Нахер! – сорвалась я даже не на крик – на вопль. – Слушайте, я на все вот это не подписывалась. Брак был заключен без моего согласия, князя я вообще не выбирала, соответственно – я отказываюсь быть княгиней. Вообще. Напрочь! Навечно! Навсегда! Я вообще никогда не буду вашей княгиней!!!

И тут дверь открылась.

Порыв холодного ветра по спине и пробирающий до костей голос князя:

– Никогда не говори никогда.

Я застыла, не в силах обернуться к вошедшему Даркану...

Ужас он просто такой – как захлестнет, так и стоишь соляным столбом.

А вот Грзя, быстро поклонившись, свалила, аккуратно прикрыв дверь за собой. Она меня бросила! Просто бросила на растерзание.

И звук такой был... Ну как если бы ты такой весь связанный с кляпом и в гробу, но живой, и тут этот твой гроб накрыли крышкой.

Но еще не заколотили, нет.

Заколачивать начали секундой позже, когда на имеющийся прозрачный столик возле двери в ванную, полетел пиджак князя. И казалось бы, какая связь между шелестом упавшей ткани и вколачиванием гвоздя в гроб? Да самая прямая!

Потом туда же полетела его рубашка...

Господи, спаси и сохрани... пожалуйста, ну пожалуйста...

– Ты так жалобно просишь, – теплые ладони легли на мои плечи, – сразу появляется желание... пожалеть.

И меня окутало его запахом. Такой странный аромат, который хотелось вдохнуть всей грудью, ощутить привкусом на губах, на языке, почувствовать кожей... Или не хочется? Я вдруг поняла, что задыхаюсь. Просто задыхаюсь. И уже не от страха, не от жалости, не от ненависти... от желания. Пробуждающегося, яркого, почти ослепляющего сексуального желания.

Что за хрень?!

Что это за хрень?!

Какого хрена тут творится?!

– Я ведь влюбился в тебя, Каиль...

Мои волосы, перекинута через плечо на грудь. Ощущение губ князя на тонкой коже моей шеи, ужас в сердце, как ледяной порыв ветра, и жар желания внизу живота, начинающий разливаться по телу.

– С первого взгляда. С первой секунды. С первого вдоха. Ты не в мой автомобиль села, Каиль, ты забралась в мое сердце. И я... задохнулся. Тобой. Эмоциями. Ощущениями. Желанием.

Его руки соскользнули на талию, крепко сжимая, обнимая, приковывая меня к Даркану.

Но пугали вовсе не руки – слова ужасали куда сильнее.

– Все чего мне хотелось там, в автомобиле, это схватить тебя, прижать к себе, и не отпускать. А еще я хотел тебя. Я так безумно хотел тебя... Но я влюбился, Каиль. Я влюбился в тебя настолько, что даже прикоснуться боялся.

«Боялся»... в прошедшем времени.

– Я не хотел, чтобы все было... так. – И в его голосе прозвучала настоящая мука, ошеломившая меня настолько, что чувство реальности начало покидать, стремительно и верно. Нереально ведь, чтобы вампир испытывал муки сожалений, просто нереально.

– Не хотел...

Он хрипло простонал, скользя губами по моей шее, и все сильнее прижимая к себе.

– Ты казалась такой светлой, чистой... Ты ведь светишься, Каиль, для меня ты вся светишься. Даже сейчас, когда я все знаю, ты светишься. Чистотой, которой в тебе нет. Невинностью, которой едва ли можно охарактеризовать женщину, что будучи моей женой, страстно изменяла мне с моим же телохранителем... Я ведь берег тебя, Каиль. Боялся дотронуться. Боялся причинить боль. Я даже взять тебя как женщину попытался в полдень, в те недолгие минуты, когда могу полностью себя контролировать. Я так берег тебя, Каиль... А в это время к тебе прикасался другой.

Господи, что с Навьеном?

Я не спросила этого вслух. Не рискнула бы. Но князю вслух и не требовалось.

Рывок, и развернув меня к себе, он снова сжал – одной рукой обхватив меня за талию, второй удерживая подбородок так, чтобы я по полной программе насладились выражением его бледного от гнева лица. И князь был страшен! Красив, все так же красив, но адски страшен, и в его темно-серых глазах не осталось ничего человеческого. Меня обнимало Зло, чистое зло, в самой страшной своей форме.

Кривая злая усмешка и сказанное так тихо, что я едва ли разобрала слова:

– Я надеялся, что если дам тебе время – ты полюбишь меня. Я старался держаться подальше. Я не хотел, чтобы все было так... Но какого дьявола, Каиль? Почему?! Почему пока я из последних сил сдерживаюсь и свято берегу тебя, кто-

то другой позволяет себе прикасаться к твоему телу?!)

Еще одна усмешка, скорее жестокая, чем злая, и еще более тихое:

– Каиль, – он стер большим пальцем влажную дорожку слез на моей щеке, – ты была права, я не зверь, я хуже. И я больше не буду ждать. Ждать ведь бессмысленно, не так ли? И я это чувствовал. С самого начала ощущал, что ждать от тебя чувств бессмысленно. Жаль, слишком поздно я это сумел это принять.

Я смотрела на него в ужасе.

В каком-то бесконечно нарастающем ужасе.

Я видела его бледное лицо, на котором решимость отчетливо проступала сквозь муку, я видела его глаза – два озера боли: затаенной, скрытой, скрываемой вероятно даже от самого себя. Я чувствовала, что ему нелегко дались эти слова, каждое из его слов, но я не хотела... просто не хотела знать этого, другого князя Даркана, того настоящего князя Даркана, который скрывался под маской вальяжно-небрежной отстраненности с грацией истинного аристократа, с силой настоящего монстра, с душой... пустой и разбитой.

Это был уже не тот вампир, в чью машину я села так неосмотрительно.

Даркан стал другим.

И я не знала, что его добило сильнее – я, или предательство Навьена. Но что-то сломало.

Сломало настолько, что князь не будет орать, крушить

стены, и убивать он не будет тоже.

Убивать в смысле физически, а вот морально... морально он меня убьет. Здесь и сейчас. Потому что первый вариант заполучения меня не сработал. Не сработали украшения, совместные ужины, и попытка «держаться от меня подальше» в надежде, что я сумею полюбить монстра. А я не сумею, не смогу, и он это понял. Понял, но не смирился. Он просто поменял «вариант развития событий».

Сломанный, но не сломленный.

И это было страшно. Страшно осознавать, что у тебя с самого начала был «выбор без выбора». Страшно понимать, что в удерживающем меня вампире уже не осталось даже тени от адекватности и нормальности. Страшно чувствовать, что его слова, каждое из его слов – острая как бритва правда, правда которая раскромсала все, что оставалось в нем светлого, на рваные куски.

Страшно, очень страшно, и в тоже время... Да к чертовой матери, мне плевать!

Мне было плевать на его слова, на его страдания, на его попытки казаться нормальным для меня, на его «старался к тебе не прикасаться». Страдает он? Сожалеет? Влюбился? Его свет сошелся на мне клином, и я вошла в его сердце? Да мне все равно! Я не вошла! Я не просила в меня влюбиться! Я не просила на мне жениться! Я... я вообще не могу назвать изменой и предательством поцелуи с Навьеном, потому что нельзя называть изменой нарушение договоров,

которые ты не заключал! А я не заключала!

И именно чувство происходящей несправедливости позволило, несмотря на капкан нечеловечески сильных рук князя, вытолкнуть из себя пусть и слабое, но уверенное:

– Я не изменяла тебе!

Ассоциация с капканом стала явственнее, едва, больно впиваясь в мое тело, проступили стальные мышцы вампира. Не совсем вампира. Монстра, который был способен без труда порвать любого вампира на части... и, к сожалению, в самом прямом, а не метафорическом смысле.

– Ты не изменяла? – переспросил Даркан.

Я смотрела в его багровеющие глаза и меня колотило от страха. Животного ужаса, глубинных инстинктов, вопивших до одури, что передо мной хищник, который сожрет не задумываясь. Но есть вещи похуже смерти – то, о чем не ведали инстинкты вместе с подсознанием, но о чем прекрасно был осведомлен разум.

А потому, под контроль эмоции и осторожно ступаем на лезвие бритвы, по которому предстояло пройти.

– Измены не было, – прошептала я, стараясь если и дрожать, то хоть не так заметно.

И взгляд князя изменился.

Из него ушла боль... Осталось только желание эту боль причинять.

– Измены не-бы-ло? – повторил он мою фразу, вот только так, что по телу холод стылый прошелся. – А что же это в

таком случае было, Каиль?

Он отпустил меня в то же мгновение.

Полуобнаженный монстр с ленивой грацией непобедимого хищника, прошел к креслу, доставая на ходу из кармана брюк очки в тонкой золотой оправе. Развернулся, посмотрел на меня так, что если мне и было страшно до этого, то вот сейчас... сейчас стало страшнее. И как-то даже с издевкой надел очки.

А я как-то сразу поняла, что это начало моей казни.

Даркан отгородился. От моих мыслей. От моих просьб, которые, и я почему-то уже даже не сомневаюсь – последуют. От моих чувств. Ему больше не нужны были мои чувства, он пришел мстить за свою боль.

И я смотрела, как он медленно опускается в кресло, молодой мужчина вполне интеллигентного вида, на фоне Навьена – практически хрупкий, как сводит длинные холеные пальцы под подбородком, продолжая пристально смотреть на меня, и как на его губах появляется улыбка... страшная, безжалостная, предвкушающая и убийственная.

– Ты как-то сказала, что я даже не животное, я хуже. И секс со мной для тебя более чем извращение, не так ли?

Внутри все сжалось и заныло, от жуткого, страшного, чудовищного предчувствия.

– Слова имеют свойство ранить, Каиль, – очень тихо произнес князь, – особенно, если это слова твоей женщины. Но у нас, как выяснилось, имеется одна маленькая деталь, ко-

торуя я несколько не учел – ты не считаешь себя моей женщиной.

В темных глазах за прозрачными стеклами очков, все ярче загораются алые зрачки. Солнце в пустыне лениво сжигает любую жизнь... Почему-то я думаю именно об этом несколько секунд прежде, чем до меня доходит – мой разум уже провёл аналогию, и я уже знаю – сейчас вальяжно и безразлично сжигать будут меня. Флегматично. Отрешенно. Безжалостно.

– Раздевайся, – слово, сказанное почти неслышно.

Его можно было скорее угадать по движению губ, чем услышать...

Но его оказалось невозможно проигнорировать!

Это было сродни теплomu порыву ветра, аромату жасмина и мяты, заполнившему всю спальню, окутавшему меня, околдовывающему. В животе вновь вспыхнуло желание, ноющее, тянущее, расплзающееся. А в голове вдруг сделалось так восхитительно-восторженно пусто. Абсолютно пусто. Я словно вдруг оказалась под кайфом, с ощущением полета внутри, с желанием... с каким-то все нарастающим желанием... подчиняться? А с каких пор у меня вообще появилось желание подчиняться?

Но руки, мои руки, заскользили по плечам вниз, к застежкам на платье.

– Нет! – вырвалось криком.

Усмешка на губах Даркана, и вампир откинулся на спин-

ку кресла, демонстративно наслаждаясь представлением. Не хватало лишь музыки, но словно подумав о том же, князь включил тихую мелодию, что-то из классики...

А я больше не могла, даже прошептать то «Нет!» что отчаянием билось в сознании.

Застежка за застежкой, и платье опадает грудой ткани к моим ногам.

— Красивая, — скользя взглядом по моему телу, произносит князь. — Какая же ты красивая... Туфли, Каиль, надень их.

Мне хочется орать. Броситься на этого урода, расцарапать такое прекрасное идеальное надменное лицо. Мне хочется остаться на месте и прикрыться руками... но я перешагиваю ткань, обхожу кровать, грациозно опускаюсь на край постели, и надеваю туфельку за туфелькой.

— У тебя очень красивые ноги, — тихий голос, сливающийся с тихой мелодией. — Встань и подойди.

Я не хочу. Не хочу вставать. Не хочу делать и шага. Я хочу умереть здесь и сейчас, только бы не чувствовать себя игрушкой, марионеткой в руках хозяина жизни и положения. Но в голове все та же восторженная пустота, каждый шаг дается легко, в каждом движении грация кошки, причем похотливой и жаждущей ласки хозяина.

Я останавливаюсь в шаге от Даркана.

— Распусти волосы.

Следующий приказ, я вынимаю шпильки, на спину и пле-

чи тяжелой волной опадают волосы.

– Ты прекрасна, – цвет глаз вампира меняется, алый зрачок предвкушающе темнеет, во взгляде за тонким стеклом очков с золотой оправой, проступает голод.

– Украшения – сними их. Медленно.

Я понятия не имею, как все это расстегивать, на меня эту драгоценную мишуру цепляла Грэй, но... руки двигаются послушно, пальцы находят застёжки и на пол осыпается кольцо, серьги, следом браслеты, кольца. Взгляд Даркана выразительно указывает на ножной браслет... Мне хотелось его послать. Матом. Грубо.

Еще лучше ударить с ноги, и плевать, что будет дальше, но... Я прогибаюсь как стриптизерша со стажем, опускаюсь в эротичном приседании, и отстегиваю украшение с левой щиколотки. Серебрянный ручеек с сапфировыми вкраплениями утекает словно вода, опадая на пол.

А я слышу:

– Нет, не поднимайся. Мы начнем с этой позы. Расстегни мой ремень.

Я... не пошевелилась.

Взгляд метнулся с лица Даркана, на брюки и то, что отчетливо проступило там, натянув ширинку до предела. Я знала, чего он хотел, вампир и не пытался это скрыть, напротив – он четко дал указания. Вот только князь не знал, что для меня это не просто запрет, это табу, вбитое на уровне подкорки. Я не против любых видов секса между влюбленными

и любящими, но вот так, по принуждению, — для меня это приравнивалось к переходу в касту опущенных.

И пальцы сжались на коленях вампира, цепляясь за ткань, сжимаясь в спазме, сопротивляясь до последнего. Я... я не буду этого делать! Не буду!

И Даркан понял, где мое «слабое место». Или знал? Взгляд в черно-серые глаза, жестокая усмешка на губах и я понимаю со всей очевидностью — он знал. Прав был Навьен, говоря «Не играй с ним».

Медленно снял очки, вторую руку протянул, погладил меня по подбородку, заставил запрокинуть голову и посмотреть в его глаза.

– Издержки профессии, да, Каиль?

Тварь, ненавижу!

Усмехнулся.

Большой палец коснулся губ, оттянул нижнюю, с силой проводя по ней, и подавшись ко мне, князь выдохнул:

– А расскажи-ка мне, Каиль, за что на зоне становятся опущенными?

И я похолодела от страшного осознания — за любое неосторожно сказанное слово.

Зона страшное место. Место с извращенными понятиями морали, этики, законов, и с четкой градацией по иерархии. И самое последнее место в этой иерархии занимают опущенные. Попасть в эту касту отверженных легко — любая неосторожность, оскорбление, на которое не ответил, поступок, о

последствиях которого не подумал и точка невозврата пройдена. На зоне переход по иерархии возможен в принципе для всех при желании. Для всех, кроме опущенных. Из этой касты не возвращаются.

Внутри все содрогнулось. «Маленькая деталь, которую я несколько выпустил из внимания – ты не считаешь себя моей женщиной»... что ж, жестоко, но верно – после такого, я начну ощущать себя его женщиной. Его подстилкой. Его бесправной собственностью. Волей-неволей начну. И вот уж точно, никогда больше не смогу поцеловать Навьена... я буду чувствовать себя слишком грязной для этого. Оскверненной... Униженной...

Но если уж касаться норм тюремной этики, то...

Я дернула головой, избавляясь от его прикосновений, и высказала, со всей ненавистью:

– Одна маленькая деталь, князь, на зоне за интим с опущенными нужно платить. Ведь если не платишь, значит, секс происходит по любви. А знаешь, у кого бывает любовь с опущенными? С такими же, князь.

Вот и получи, мразь!

Мразь ослепительно улыбнулся, откинулся вновь в кресле, и произнес:

– Каиль-Каиль, я действительно молод, тут твое предположение оказалось верно. Но в остальном... Это для тебя здесь тюрьма, милая, и ты пытаешься мерить происходящее мерками зоны, а для меня это дом. И разбор полетов с жен-

щиной, которую я взял в свой дом женой. Женой, Каиль. Не подстилкой, не любовницей, не игрушкой. Я взял тебя женой. А ты повела себя как...

И Даркан умолк.

Не надолго.

– Ну что, продолжим? – произнес он.

И насмешливый взгляд на меня, в котором отчетливо читалось – я проиграла. Я более чем проиграла – у меня с самого начала не было шанса на выигрыш, у меня была только возможность умереть... а впрочем, не было даже и ее.

Опустив взгляд, я несколько секунд стояла на коленях, между разведенными коленями вампира, с чудовищным осознанием предстоящих перспектив. И с полным пониманием того, что я... я сломаюсь. На зоне, чтобы выжить, будучи опущенным, нужно иметь определенный тип личности, потому что далеко не каждая личность, сможет пережить полное уничтожение человеческого достоинства.

Я знала, что не смогу.

– Я рад, что ты это понимаешь, – холодно произнес Даркан.

Мои ладони сжались в кулаки, но я заставила себя промолчать.

Князь же продолжил:

– Ты признаешь наш брак, Каиль. Ты признаешь себя МОЕЙ женщиной. И ты больше никогда, даже в самых потаенных мечтах, не посмотришь на другого мужчину. Ты моя.

Телом, душой, разумом, сердцем. Только моя.

Наверное, мне стоило согласиться. Наверное, стоило. Только вот...

– А в чем разница? – тихо спросила я, и подняла взгляд на вампира. – В чем тогда будет разница? Где выбор? Ты предлагаешь мне одно из двух – или меня сломаешь ты или себя сломаю я сама, заставив себя покорно лечь в твою постель.

Несколько долгих мгновений, князь молчал, глядя в мои глаза, и только его дыхание, тяжелое напряженное дыхание, выдавало ту ярость, что клокотала в нем. Мне казалось для этой ярости, причин не было... но я оказалась не права.

– Ты думаешь я не знаю? – вдруг с невероятной злостью спросил Даркан. – Ничего не знаю, Каиль?

Тихий смех, и сказанное с бешенством:

– Гордая полицейская девочка, которая с такой решимостью заявляла, что ненавидит вампиров. Что мы для тебя хуже зверей. Что секс с вампиром для тебя сродни зоофилии... Маленькая лгунья, я видел ВСЕ воспоминания Навьена! И знаешь, – взгляд князя вновь полыхнул багровым отсветом, – целуя его, ты ведь не ощущала себя ни опущенной, ни грязной, ни даже оскверненной. Какая интересная двойственная логика, не правда ли, Каиль?

Он считал все воспоминания Навьена... Он считал все воспоминания Навьена! Что с Навьеном?

Глядя на меня с яростью, которая лишь нарастала, Даркан тихо произнес:

– Ты знаешь, что с ним. Ты с самого начала знала, чем все это для него закончится. И ты подставила его под удар, без особых сожалений. Он ведь всего лишь вампир, да, Каиль? А я всего лишь чудовище, монстр, урод и тварь. Знаешь, – он взял очки, встряхнул, чтобы дужки опали, и продолжил на столик, – я пытался дать тебе шанс. Достаточно было усмирить гордыню и принять ситуацию как данность. Но ты не готова к компромиссам, не так ли? «Хороший вампир – мертвый вампир» – это твоя позиция?

Да. Это моя позиция. Была такой до того, как я...

– Я не хочу этого знать, – резко оборвал меня князь. – Я ничего не хочу знать, о твоих чувствах к моему тысячнику. Ничего! Он старше меня почти на восемьсот лет! Он убивал столько, что их имена, начертанные крайне мелким почерком, заняли бы не одну стену ВСБ, а это весьма высокое здание. Он убил даже капитана Маера, когда ему необходимо было прикрыть свою задницу! Он издевался над тобой настолько, что мне пришлось вмешаться и заставить сожрать его собственный мобильник! Но вот он забавный парадокс – все это ты ему простила. Абсолютно все. А чем же я хуже, Каиль? Ты не дала мне даже шанса. Ни единого гребанного шанса, Каиль!

Я медленно опустилась на пол и теперь сидела у ног вампира жалкая, растерянная, потерянная...

Навыен убивал? Я знала это. Знала, но... в какой-то момент перестала предавать этому значение. Почему? Не знаю.

Просто не знаю. Я...

– Я не буду оправдываться, – несмотря ни на что, во мне все еще оставалась гордость. И вскинув подбородок, я решительно добавила: – И я не считаю, что должна за что-либо оправдываться. Это ты меня впустил в свой автомобиль и в свое, если оно там у тебя есть, сердце. А я просто села, не глядя, в первую попавшуюся попутку. Это ты меня ждал в аптеке. А я сбежала, потому что знала – ничего хорошего от вампиров ждать не следует.

– Ммм, – издевательски протянул князь. – И от Навьена ты тоже ничего хорошего не ждала, не так ли?

Черт!

И я не сдержалась:

– Навьен меня не похищал! Навьен на мне не женился! И Навьен меня ни к чему не принуждал!

В глазах князя засветилось что-то жуткое. Внешне он выглядел безразлично-отстраненным, но во взгляде читалась целая лавина эмоций, и я знала, что эта лавина меня сейчас смешает с грязью. Я знала это еще до того, как Даркан холодно произнес:

– Не принуждал, говоришь? А чем же тогда был поцелуй в автомобиле? Ммм, жаль, ты не видела того ужаса, что отражался в твоих глазах в момент данного «не принуждения». А вот я видел. И оценил.

Он издевался. Сардонически-горькая усмешка на красивых губах, а в глазах желание причинить боль. Наказать за ту

боль, что испытывал сейчас он. Мальчик ударился о дерево, мальчику больно... что ж спилим дерево в наказание за то, что мальчику больно. Так получается?

Взгляд Даркана потемнел, но не до черного – до темно-багрового, жестокого оттенка. И мне было страшно. Мне с самого начала было страшно, жутко до тошноты, но именно сейчас, стало еще страшнее.

– Да, – медленно проговорил князь, – тебе действительно есть чего бояться. Но ты не дерево, не удачная аналогия, Каиль, совершенно не подходящая. Ты – женщина. Моя женщина. Я дал тебе время, я пытался сдерживаться, я не хотел, чтобы все закончилось вот так, и не желал причинять тебе боль. Но устроить любовную интрижку за моей спиной и не с кем-нибудь, а с вампиром, с представителем той расы, от которой тебя, как ты уверяла, воротит... И где же в итоге оказались твои принципы, Каиль?

Если мне до этого было страшно, то вот сейчас, невероятным образом, мне стало еще и стыдно.

– Что ж, – продолжил Даркан, с холодным безразличием на лице, – из всей этой ситуации я извлек несколько весьма полезных уроков. Во-первых, не доверяй никогда и никому, ведь даже самый преданный друг, может подло ударить в спину. Во-вторых, если что-то понравилось – бери сразу. Не жалея, не щадя, не пытаясь понравиться и «войти в положение». И, в третьих, не принимай в расчет чувства и принципы женщины... Ведь принципов у тебя, Каиль, как оказа-

лось, нет. А чувства... Говорить о твоих чувствах нет никакого смысла. Ты даришь их любому – от смазливового пацана с пошлого постера, до первого сделавшего вид, что ты ему небезразлична вампира.

И посмотрев на меня в упор, жестоко и зло, князь произнес:

– В тот миг, когда я осознал, насколько ты важна для меня, я дал себе слово, что ты станешь моей лишь тогда, когда полюбишь, когда я стану для тебя важнее твоих принципов и моральных установок. Когда ты полюбишь меня больше, чем себя. И я сдержу свое слово, Каиль, ведь после этой ночи ты себя возненавидишь гораздо сильнее, чем меня.

И вновь надетые вампиром очки, стали окончательным недвусмысленным приговором.

– Нет... – прошептала, чувствуя, как меня начинает трясти от ужаса. Просто трясти от ужаса. – Пожалуйста, я не... не хочу...

– Я так любил тебя, – с нескрываемой горечью, надломленно произнес князь.

Я внезапно поняла, что теперь его «любовь» стала другой. Раньше она была как сияние. Такой же как в глазах Навьена – любящих, ласковых, заботливо-внимательных. Любовь в глазах князя Даркана изменилась. Тот же свет, только теперь ярче, жестче, убийственнее. Так сияет белое солнце в пустыне – не согревая, а убивая. Так слепит снег в горах – ослепляя и лишая зрения. Так горит белое пламя – безжа-

лостно сжигая дотла.

И... я знала, что жалости не будет. Я знала это, с самого начала. С того момента, как осознала, что села в автомобиль вампирского князя. Уже тогда, когда ощутила тиару княгини неподъемной ношей на своей голове. И в тот миг, когда князь вошел в мою спальню я тоже отчетливо это знала, но почему-то надеялась, безосновательно, но все же надеялась, на что-то... что-то хорошее... Наверное, я надеялась на то, что он не будет ломать меня...

Я ошиблась.

Он сломал.

Вода в ванне почти остыла, но вопреки порыву Грэй добавить горячей, я перекрыла кран и теперь обреченно смотрела, как из блестящей хромированной трубы падали капли... Медленно формировались в блестящую хрупкую сферу...

Срывались вниз...

Плеск... и нет капельки.

– Княгиня, вам стоит отдохнуть.

В который раз Грэй это говорит? Третий? Пятый? Десятый?

Я не слышу. Мне кажется, я теперь уже почти ничего не слышу, я давно оглохла от собственных криков.

Он меня сломал.

Меня...

Жестоко, безжалостно, цинично.

«Каиль, ты была права, я не зверь, я хуже».

Чего я могла ожидать, после таких слов? Всего чего угодно. Всего. Того, что обратится монстром, как княжна Мортем, что станет уродом, каким он являлся даже среди своих, что причинит боль, изнасиловает тело...

Я ждала всего чего угодно, всего, что только можно было ожидать от этого зверя, твари и чудовища.

Всего...

Кроме того, что зверем, уродом, тварью и чудовищем он заставит меня почувствовать себя саму.

Лучше бы он меня изнасиловал. Лучше бы он просто меня изнасиловал, но... князь Даркан после допроса Навьена уже знал, что мои клыки всего лишь результат умелой стоматологической манипуляции и я ни на грош, ни на каплю, ни на йоту не вампир... а калечить меня он не желал.

И физического изнасилования не было.

Было хуже.

В сотни, в тысячи, в десятки тысяч раз хуже...

Я только тогда поняла, от чего меня пытался защитить Навьен, решившись на все это лицедейство с клыками и подставившись по полной программе сам. Он просто знал. Он знал, на что способны князья в отношении людей. Простых, не ставших даже свежееобращенными вампирами людей...

На всё.

Абсолютное манипулирование телом, желаниями, ощущениями и даже эмоциями. И на фоне всего этого безусловное, основательное, сокрушительное осознание всего происходящего. Я хотела секса больше, чем дышать, и я превосходно осознавала все, что делала, все, что он заставлял меня делать.

А после все, что делал со мной он.

Я ненавидела себя за каждое произнесенное слово, за каждый крик, за каждое движение к тому, кто умел ласкать так, что я сходила с ума от удовольствия, и одновременно проклинала себя за то, что получаю удовольствие в руках князя.

Князя подобные мелочи не волновали.

Но целовать... целовать меня князь мог, лишь снова беря под ментальный контроль – иначе я не давалась. И мне было плевать, сколько раз он заставлял целовать его со страстью опытной путаны, а сколько раз целовал сам, пробуждая внутри меня первобытный голод, от которого пульсировало все тело, но как только контроль ослаблялся, я прерывала

поцелуй и отворачивалась...

Идиотская попытка сохранить хотя бы остатки гордости... возымевшая закономерные последствия.

Даркан отпустил ментальный контроль, схватил за подбородок, грубо заставил посмотреть в свои глаза и прошипел:

– Гордая значит? А надолго ли хватит твоей гордости, Каиль?

И на мое лоно опустились не его губы, а ладонь.

– Показать тебе звезды, Каиль? – хриплый насмешливый шепот.

Я могла бы сгореть от одного прикосновения, и Даркан уже проделывал это со мной, но на этот раз его целью был вовсе не оргазм. Он хотел иного. И ласкал, целенаправленно и умело, с опытом мужчины изучившего мое тело сверху донизу за всю эту проклятую ночь, касаясь каждой чувствительной точки, то осторожно, то грубо, то почти невесомо, скользя по краю пропасти и не давая мне в нее рухнуть.

Я стонала, искусав губы до крови и фальшивыми клыками и зубами, я срывалась на крик, хриплый, гортанный, я срывалась на вой и почти скулила, едва он останавливался. Мне хотелось разрядки. Мне нужна была разрядка. Мне жизненно необходимо было получить удовлетворение, но каждый раз Даркан останавливался, когда до желанного экстаза хватало бы и касания, одного лишь касания, но вместо него я слышала:

– Попроси.

По лицу давно текли слезы, я захлебывалась от криков, все мышцы дрожали, вместе и по отдельности, я давно не контролировала собственное тело, в порыве отчаяния подаваясь пульсирующей плотью к вампиру, едва он убирал пальцы... Я умоляла телом, но слов Даркан не дождался.

Победил в другом – я ответила на его поцелуй...

Если бы знала, чем это обернется, я бы лежала не двигаясь. Я бы не сопротивлялась. Я бы даже не дернулась.

Но я не знала... Я просто не знала... Я...

– Княгиня, хватит. Вы должны быть сильной.

Голос Грэи, отдаленный, словно звучащий сквозь туман и болезненный укол в мое предплечье. Какой уже по счету? Я не помню. Я перестала считать уже после второго.

Первый вколол князь, клеймя поцелуем мои распухшие пересохшие израненные губы, и не скрывая ни торжествующей усмешки, ни полного удовлетворения насмешливого взгляда.

Да, поймел он меня по-полной...

А звезды? Они были ослепительны... Теперь я ненавижу звезды.

Второй укол сделала Грэя, когда я после ухода Даркана пыталась разбитым стеклом перерезать себе вены. Стекло, правда оказалось пластиковое, и тупое, но я была в таком состоянии, что с удовольствием выгрызла бы вены и зубами, только бы перестать слышать в своей голове свои собственные крики.

Новый укол она сделала, когда я все же предприняла попытку выгрызть себе вены... и после этого укола наступило оцепенение. Просто полнейшее оцепенение. Я не видела ничего, кроме капель воды, срывающихся из не до конца закрученного крана. Я не слышала слов. Я не чувствовала собственного тела... и я не хотела в нем быть. В этом теле не осталось ничего моего. Ни гордости, ни чести, ни достоинства... ничего. Я ненавидела это тело. Я хотела из него выйти. Я ненавидела эти руки... мне хотелось их сломать. Я ненавидела свои губы... слишком отчетливо помнила все то, что их заставили сделать...

Мне хотелось помыться. Снова, снова, снова и снова. Но Грэй отобрала губку, увидев, что я содрала кожу почти до крови... Она все отобрала. Остались только я, вода которой недостаточно было чтобы утопиться, и кран из которого падали капли. Словно он плакал вместо меня, потому что у меня не осталось даже слез.

Звонок телефона.

Приглушенный завесой апатии, которая медленно накрывала – видимо последнее лекарство было вконец убийным, или дозу уже увеличили до максимума.

Грэй ответила, и я услышала голос, кажется отца Малисент:

– Как она?

Дернувшаяся было к выходу вампирша, все же не рискнула оставлять меня одну, и ответила, на пороге ванной ком-

наты:

– Плохо, господин.

Пауза и вопрос:

– Насколько плохо?

Меня начало клонить в сон до такой степени, что глаза как-то органично закрылись сами. Грэя быстро подошла, и, придерживая меня, готовую сползти вниз и уйти под воду за плечо, тихо ответила:

– Хуже самого худшего из вариантов.

Еще одна пауза в трубке телефона и вопрос:

– Навьен?

– Мертв, – едва слышно ответила Грэя.

И я оглохла.

Просто оглохла.

Во мне умерло не что-то, во мне умерло абсолютно всё.

Утро...

День...

Ночь...

Утро...

День...

Ночь...

Утро.

День.

Ночь.

Снова утро.

Я открывала глаза, смотрела, как солнце безрадостно выкатывается из-за горизонта, и закрывала глаза снова. Я не хотела просыпаться. Не хотела вставать. Не хотела жить. Странно, впервые в жизни я поняла свою мать. Все эти годы в детском сердечке, которое оставалось какой-то отдельной кровоточащей раной даже в моем взрослом сердце, билась эта горечь непонимания, эта обида, это наивное «Почему мама не хотела жить?». Что ж, теперь я могла честно сказать ей – «Прости, мама, теперь я поняла, я уже все поняла».

Между мной и мамой существовало только одно незначительное отличие – я любила утро. Я любила каждое утро. Потому что по утрам князь уходил...

Когда работаешь в полиции, сталкиваешься с одним интересным феноменом – человек привыкает ко всему. Жертва, рано или поздно, признает созданный мучителем порядок вещей как единственно верный и приспосабливается к

нему. Психика пластична, и у нее всегда одна цель — позволить человеку выжить. Обычно бывает так, да.

Обычно.

Я не знаю, была ли я обычной, или же все разговоры о моей уникальности имели под собой какие-то основания, но... того, что случилось в первую ночь, больше не происходило. Да, я хотела секса каждый раз, когда Даркан желал, чтобы я этого хотела, но мое сознание больше не плавилось от неистовой потребности, я больше не целовала князя, поддавшись неконтролируемому желанию прикоснуться, прижаться губами к его коже, я больше не хотела его так, как это было в первую ночь.

Человек ко всему привыкает?

Что ж, в каком-то смысле я привыкала. К сопротивлению. К ненависти. К ярости в его глазах, которые устали вглядываться в мои, в поисках отклика. Хоть какого-то эмоционального отклика. Но не находили ничего.

Забавно, но князь считал себя вправе рассчитывать на... признательность, благодарность, заботу?

Между нами все так же не было секса в том понимании секса, который имеет родопродолжительную функцию. Сам князь ни разу не расстегивал свои брюки. Ни разу не срылся, удерживая свое собственное желание в тисках железного контроля. Ни разу не менял свою форму, оставаясь в пределах вампирского облика. И он считал, он был уверен, что я должна быть признательна ему за терпение, благодарна

за сдержанность.

Но нет!

Не на ту напал!

Не на той женился!

Не ту, выбрал себе в жертвы!

Быть благодарной? За что? За ночи, в которых он пока еще был красавцем, но все равно стал для меня худшим из всех кошмаров? За неизбежную перспективу встречи с его формой «чудовища»? За убийство Навьена?

Мне не за что было быть ему благодарной, я слишком хорошо понимала, что все это такая «игра в благородство», в безумной и не понятно на чем еще держащейся надежде, что однажды я полюблю его. Что-то типа «Любовь зла, полюбишь и козла... в смысле князя».

А потому Даркан сдерживался каждую ночь. Забавно, неужели он действительно верил, что монстр в нем может сделать его еще более отвратительным в моих глазах? Или он все еще считал, что я возненавижу себя до такой степени, что его стану ненавидеть меньше? Зря. И когда-нибудь он это поймет.

Надеюсь, этот момент станет моментом моей смерти.

Все изменилось в один день. В один из дней, которым я потеряла счет. В день, когда от созерцания того, как солнце поднимается по небосклону вверх, меня отвлек разговор между Грэй и вторым тысячником князя.

– Мне нужно с ней поговорить, – произнес Тэранс.

– Княгиня должна спать! – не согласилась с ним Грэй.

– Испарись! – разъяренно прошипел тысячник.

– Нет! – прошипела Грэй.

И я как-то интуитивно поняла, что либо я вмешаюсь, либо от моей горничной сейчас мало что останется. Повернулась, села на постели, обнимая колени и вопросительно глядя на стоявшего в проходе тысячника. Он был выше Грэй на голову, а потому прекрасно меня видел. И он был старше Навьена, соответственно отлично себя контролировал, но даже он содрогнулся, увидев меня.

– В чем дело? – мой голос стал каким-то бесцветным, чужим...

Я даже не помню, сколько времени не разговаривала, и сейчас просто не узнала свой голос.

Тэранс посмотрел на меня так, что стало ясно – он уже

пожалел о своем решении поговорить, и вообще с удовольствием собирался смотаться, но... что-то его останавливало. Не то, чтобы мне было интересно, что именно, и все же.

— Княгиня, — тысячник как-то гулко сглотнул, странно глядя на меня, — мне известно, что перед смертью Навьена, вы пытались что-то разведать. Вы вдвоем. Ввы помните что... именно?

Естественно я помнила. Из минут проведенных с Навьеном, я могла бы вспомнить, наверное, каждую.

— Лорд Тэранс, — Грэя быстро оглянулась на меня, а затем разъяренно зашипела уже ему, — все, что удерживает князя на грани сейчас — униженная просьба его бывшей невесты княжны Малисент, не причинять вред княгине. Я понимаю, что вы заботитесь о доме Даркан, но кто позаботится о княгине?! Я...

Я молча поднялась с постели. На мне было платье, темно-синее, струящееся шелком, сверкающее каплями драгоценных камней... На меня каждое утро натягивали очередное платье, чтобы во время завтрака с князем я выглядела максимально достойно. Но аппетита мне это не добавляло вовсе, я давно перестала есть. В мой рацион вернули все, включая углеводы, даже разок пиццу приволокли, но есть я больше не хотела. Ничего и никак. Так что я теперь была максимально достойным приведением — смотреть на себя в зеркало я давно перестала, однако вены проступившие под истончившейся кожей на руках говорили о многом.

Но один плюс у всего этого театра абсурда с ежеутренним одеванием и все более старательным макияжем имелся – в таком виде я могла встать и подойти к тысячнику... второму из тысячников... За то, чтобы подойти к первому, я, наверное, отдала бы князю все остатки своей гордости... я бы отдала все, вообще все.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.